

Жена Его сиятельства

ДЕЛИЯ РОССИ

16+

Делия Росси

Жена Его сиятельства

«Автор»

2018

Росси Д.

Жена Его сиятельства / Д. Росси — «Автор», 2018

Древний Вуллсхед. Что за тайны прячутся в его темных коридорах? Какие загадки скрывают старые стены? О чем умалчивают связанные с замком семейные легенды? Жизнь в английском имении течет размеренно и неспешно, но графиня Уэнсфилд, молодая супруга владельца Вуллсхеда, не торопится доверять этому обманчивому спокойствию. Слишком уж часто она чувствует на себе чей-то пристальный взгляд. И слишком уж много вопросов вызывает ее собственный брак. А если принять во внимание удивительно реалистичные портреты, загадочных незнакомцев и странные зеркала, то вопросов только прибавится.

© Росси Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Пять лет назад	9
Пять лет назад	13
Глава 2	19
Глава 3	26
Пять лет назад	27
***	31
Глава 4	43
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Делия Росси

Жена Его сиятельства

Она подарила ему крылья, а он бросил к ее ногам целый мир.

Глава 1

– Миледи, прошу вас.

Доктор Джеремайя Джонас суетливо потирал руки, торопясь приступить к осмотру. Невысокий, худощавый, с неприятным сморщенным лицом и выступающей вперед челюстью, он был похож на кривляющуюся обезьяну и казался Джулии таким же мерзким.

– Миледи?

Джул предпочла бы не слышать ненавистный голос. Если бы Уильям прекратил этот нелепый фарс! Он ведь знает, что она никогда ему не изменяла, но почему-то продолжает упорствовать.

– Ваше сиятельство!

Джонас начинал проявлять нетерпение, а она не могла заставить себя сделать шаг. Все внутри восставало против произвола мужа. Всесильный граф Уэнсфилд... Как же ей хотелось порой высказать ему все, что накопело внутри, а потом собрать вещи и уехать к родителям, но привычное благоразумие брало верх. Подобный порыв приведет только к тому, что вся ее семья окажется в долговой тюрьме.

Джулия покосилась на доктора, а потом посмотрела на супруга. Уильям выглядел холодным и непреклонным. И старым. Худые, жилистые руки тяжело опирались на трость, многочисленные перстни сверкали на скрюченных подагрой пальцах, белоснежные манжеты подчеркивали желтизну кожи. Во внешности графа еще оставались следы былой красоты, но его преклонный возраст не могли скрыть ни дорогая одежда, ни тщательно уложенные волосы, ни негибкая воля, читаемая во взгляде.

– Дорогая, не задерживайте доктора, – нахмурился Уильям.

Джул вздохнула. Она знала, что спорить с мужем бесполезно. Уж за пять-то лет успела в этом убедиться! Уильям был на редкость упрям и категоричен, и если он что-то решил, то ни за что не отступится.

Она молча прошла к постели, улеглась и приподняла юбки, мрачно размышляя о том, как ее угораздило согласиться на этот фарс, называемый браком? Хотя у нее и выбора-то не было – если бы не деньги графа, и фабрика, и Лонгберри давно ушли бы с молотка за долги.

Джулия утомленно прикрыла глаза. Она старалась думать о чем угодно, только не о том, что должно было произойти. Проклятые условия сделки! Нет, лучше уж размышлять о шерсти, что совсем упала в цене, о процентах по закладной, которые нужно погасить в будущем месяце, или о Лонгберри. Отчий дом давно пора привести в порядок, пока крыша окончательно не прохудилась.

Она вспоминала о самых разных вещах, а доктор Джонас занимался привычным обследованием. Джулия морщилась, но терпела унижительную процедуру. Возможно, Создатель смилостивится, и эта ежегодная проверка окажется последней! Должен же Уильям однажды ей поверить?

– Все в порядке, милорд, – спустя несколько минут заявил эскулап. – Миледи все так же чиста и невинна, как и в первый день вашего брака.

– Свободен, – коротко махнул рукой граф, отпуская доктора.

Лорд Норрей тяжело оперся на трость, поднялся со стула и, прихрамывая, медленно подошел к Джулии.

– Благодарю вас, дорогая, – поцеловал он пунцовую от смущения Джул и ухватил сухими пальцами ее подбородок. – Я ценю вашу верность. Завещание остается в силе.

Усмехнувшись каким-то своим мыслям, граф окинул Джулию цепким взглядом и неторопливо покинул комнату.

Когда звук шаркающих шагов мужа стих, Джул стерла со щек слезы унижения и резко дернула шнур звонка.

– Ванну, – коротко приказала она прибежавшей на зов горничной.

Понятливая Клара тут же кинулась наполнять огромную емкость водой, а Джул устояла в окне, пытаясь отвлечься от произошедшего. Пять лет. Пора бы уже и привыкнуть. Почему же до сих пор так противно? Эти неприятные, холодные пальцы, копошащиеся в ее женском естестве, эти любопытные глаза, осматривающие ее нагло и беспардонно. Фу. Гадко-то как! И ведь каждый раз надеется, мерзкий ублюдок! Ишь, каким траурным голосом объявил: – «Все в порядке, милорд!»

Она невольно нахмурилась.

– Пожалуйте, миледи, – донесся до нее голос служанки. – Ванна готова.

Джулия прошла в отделанную мрамором умывальную комнату и грустно улыбнулась. Догадливая Клара добавила в воду розовое масло, зная, что хозяйка его обожает, и это растрогало Джул почти до слез.

– Спасибо, – шепнула она, пока горничная расстегивала ее платье.

– Всегда рада услужить Вашему сиятельству, – негромко отозвалась девушка, но Джул знала, что за этими формальными словами скрывается искреннее участие.

– Джонас уже уехал?

Она переступила высокий бортик и опустилась в ароматную воду.

– Да, миледи. Как только от вас вышел, так и поминай, как звали. Неприятный тип!

Горничная фыркнула и потянулась за ковшиком.

«Неприятный» – согласилась с ней Джулия, а вслух ответила:

– Клара, следи за языком. Не дай Создатель, при графе такое скажешь.

– Да вы не беспокойтесь, Ваше сиятельство. Что уж я, совсем без понятия, что ли? А Джонас этот – мерзкий тип, с какой стороны ни взглянь! Давеча Полли разродиться не могла, так он и пальцем пошевелить не захотел. Мы уж ему и денег сулили, а он ухмыльнулся и говорит, я, дескать, только с благородными господами работу свою делаю, а об вас руки марать не собираюсь. Хорошо, милорд ему приказал, так он ребеночка-то принял, а то и не знаю, что было бы. Тетушка Дженни сказала, что пуповина на шее у маленького затянулась, еще бы немного и придушила бы. Да и Полли едва не умерла, хорошо, что все обошлось.

Джулия вспомнила веселую, розовощекую кухарку Полли, ее непутевого мужа Тоби и четверых маленьких, рыжеволосых ребятишек. Это шумное семейство два года назад появилось в имении и сразу же вписалось в неторопливую жизнь большого дома, заполнив его шумом и бестолковой суетой.

– И кто родился? – спросила она у Клары.

– Так мальчик же. Еще один, – охотно ответила служанка. – Вот, вроде, и непутящий мужик Тоби, а по своей части все у него хорошо работает, вон наследников сколько!

– Мальчик, – задумчиво повторила Джул и представила новорожденного. Маленький, теплый, пахнувший молоком и чем-то таким особенным, детским, непередаваемо-прекрасным. У Полли получались исключительные детки. В прошлом году родился Джонни – смешной, с длинным рыжим вихром на макушке, с большим жадным ротиком и громким голосом. А теперь еще один мальчик.

– И как его назвали? – спросила она.

– Аарон, – откликнулась Клара.

Аарон. Хорошее имя. Да и малыш, наверняка, чудесный. А вот ей о детях лишь мечтать остается.

Она отдала Кларе полотенце и плотно запахнула халат.

– Ваше сиятельство, а вы на прогулку пойдете? – поинтересовалась горничная. – Я серое платье приготовила. Вот только не знаю, не слишком ли оно легкое?

– Раз приготовила, значит, его и надену, – равнодушно ответила Джул. Платье. Это такая мелочь...

Она поправила волосы, туго затянула пояс и направилась в спальню.

В комнате, несмотря на растопленный камин, было сыро и холодно. От окна ощутимо тянуло сквозняком.

Джулия окинула покои грустным взглядом. Темный шелк на стенах показался ей еще мрачнее, чем обычно.

«Не спальня, а усыпальница, – вздохнула Джул, разглядывая тяжелую, массивную мебель, прослужившую нескольким поколениям графинь Уэнсфилд. – Одно трюмо чего стоит!».

Громоздкое зеркало, которое она терпеть не могла, тускло подмигнуло ей своими позолоченными гранями.

Джулия зябко передернула плечами. Странно. На мгновение ей показалось, что она ощущает на себе чей-то взгляд. Пристальный, въедливый, недобрый. Правда, она тут же отогнала нелепые страхи. Что за глупости?! В спальне никого, кроме нее и служанки нет.

– Миледи, позвольте? – Клара аккуратно расправила платье и помогла Джул одеться. – Я еще шаль достала, погода нынче ветреная, как бы вы не простудились.

Горничная обеспокоено нахмурилась.

Джулия молча забрала из рук служанки теплую шерстяную шаль и накинула ее на плечи. Какая простуда? Глупости! Она никогда не болеет. Даже после того ужасного ливня, который надолго уложил в постель Лиззи, она всего лишь пару раз чихнула. Да и то, скорее всего, от скопившейся в мансарде пыли. Исключительное здоровье, как сказал тогда доктор Уэтерби.

Она усмехнулась своим мыслям, взяла с тумбочки книгу и отправилась в парк, на прогулку.

Стоило Джул выйти из дома, как прохладный ветер подхватил ее шаль, пытаясь сорвать ту с плеч, растрепал прическу и зацепился за подол юбки, увлекшись игрой с ее оборками. Джулия невольно улыбнулась. Она любила это ни с чем несравнимое ощущение свободы. Любила краткие моменты одиночества. Любила радоваться таким вот ничего не значащим мелочам и ценила каждое приятное мгновение своей совсем не веселой жизни.

Подставив лицо ласковым прикосновениям ветра, Джул свернула на тисовую аллею.

Шаг за шагом, она отходила все дальше от мрачного замка, избавляясь от его давящего величия. Дойдя до затянутого ряской пруда, Джулия присела на скамейку и раскрыла книгу.

Есть улыбка любви

И улыбка обмана и лести.

А есть улыбка улыбок,

Где обе встречаются вместе.

Есть взгляд, проникнутый злобой,

И взгляд, таящий презренье.

А если встречаются оба,

От этого нет исцеленья.

– От этого нет исцеленья, – тихо повторила она последние строки и отложила в сторону старенький, потертый томик стихов Блейка.

Джулия задумчиво смотрела на неподвижную водную гладь, вспоминая события пятилетней давности. Тогда, в далеком пятьдесят восьмом году, она, молоденькая, романтическая барышня, даже не предполагала, как резко изменится ее жизнь после ежегодного Большого Бала. Память вернула Джул в маленький провинциальный городок, в модную лавку мадам Доротеи – лучшей модистки всего Уорминстера и, по совместительству, первой сплетницы графства.

Пять лет назад

– Маменька, этот цвет больше пойдет Джул, а не мне, – капризно надула губки Элизабет. Сестра приложила к лицу отрез бледно-зеленого шелка и придиричиво осмотрела себя в зеркале.

– Нет, не годится! – Лиззи небрежно отбросила ткань и принялась перебирать образцы. – Не то, это тоже не то... Вот! Маменька, ну вот же, вы только взгляните! Совсем другое дело! – вытащив из разноцветного вороха переливающийся малиновый шелк, сестрица довольно улыбнулась. – Посмотрите, разве я не красавица? Этот яркий оттенок так идет к моим волосам! А если сделать воланы из кружева... И пышную юбку, а по подолу пустить розочки... Граф Уэнсфилд будет в восторге от моего вкуса! Правда же, Джул?

Джулия скептически посмотрела на сестру. Бедная Лиз! В ее взбалмошной голове так крепко засела мысль о браке с графом, что ради этого сестра готова на все. В доме только и слышно, что о лорде Норрее. И о том, как скоро он сделает ей предложение.

– Лиззи, этот цвет слишком яркий для молодой незамужней леди. Боюсь, ты будешь выглядеть вульгарно, – рассудительно заметила Джул, отложив в сторону лоскуты образцов.

– Маменька, почему Джулия всегда говорит мне гадости? – обиженно протянула Элизабет. Ее пухлые губки некрасиво скривились. – Знаешь, Джули, если ты завидуешь тому, что скоро я стану графиней, так и скажи. А если боишься остаться старой девой, я не виновата – в твои двадцать два давно уже пора иметь жениха! И вообще, вместо того, чтобы кукситься, лучше порадовалась бы за меня!

Джулия иронично посмотрела на сестру, но промолчала. Все равно Лиз не поверит, что не нужен ей никакой жених. Сестрица редко слышит кого-либо, кроме себя.

– Душечка, зачем ты так? – добродушно улыбнулась маменька. – Разумеется, мы найдем для Джулии подходящую партию. Я уверена, что в этом сезоне вы обе выйдете замуж. И я согласна с твоей сестрой – этот цвет слишком взрослый, он тебя старит. Взгляни-ка сюда, – леди Фицуильям развернула отрез нежно-розового шелка и, прищурившись, посмотрела на дочь. – Да, отлично, – кивнула она и обратилась к модистке: – Дороти, мы решили. Розовый и зеленый – для юных мисс, и серебристо-серый – для меня.

– О, миледи, замечательный выбор, – тонко улыбнулась мадам Доротея. – Мои девочки пошьют вам самые лучшие наряды. Думаю, Его сиятельство точно не устоит и сделает предложение мисс Элизабет на предстоящем Большом балу. Ах, это будет чудесно! Я даже знаю, какой подвенечный наряд сошью для вашей дочери. Атласный шелк. Голубой, с серебряной отделкой. Можно было бы и золото по подолу пустить, но серебро подойдет больше. Лиф украсим вставками из кружева, подол разошьем маленькими букетиками роз и непременно – шлейф! Мисс Элизабет Фицуильям произведет фурор!

Невысокая шупленькая мадам быстро сыпала словами, ловко сворачивая ткани и делая необходимые подсчеты. «Деловая женщина» – вспомнила Джул определение мистера Невилла. И это не было похвалой. Сосед Фицуильямов терпеть не мог оборотистую мадам и не скрывал своей неприязни. «Высочка, – презрительно цедил он. – Что она понимает в одежде? Разве сравнятся ее французские финтифлюшки с настоящей английской шерстью?». Мистер Невилл много лет владел модной лавкой и об английской шерсти знал все, но с тех пор, как в Уорминстере появилась Доротея Бенкс, дела его шли неважно. Ловкая модистка умудрилась всего за пару лет отбить у старого мэтра почти всю его клиентуру, а ее магазин стал самым популярным в округе.

Джулия обвела взглядом просторную примерочную. Да, таланту мадам можно только позавидовать.

– Ах, Дори, пока рано рассуждать о свадьбе, – озабоченно разглядывая ткань, заметила леди Фицуильям. Маменька была уверена в скором браке Лиз, но боялась спугнуть удачу. – Его сиятельство еще и предложения не сделал!

– Полно, миледи, – лукаво улыбнулась Доротея. – Об этом уже все говорят, да и сам лорд Норрей не отрицает, что влюблен в вашу дочь. Вы же знаете, я не поощряю сплетни, но вчера кухарка Его сиятельства рассказывала моей Мэри, что в замке только и разговоров, что о предстоящей свадьбе. И потом, недаром же граф Уэнсфилд так надолго остался в Уилтшире и даже распорядился организовать в своем дворце Большой Бал? Вот увидите, после праздника вы снова придете ко мне. Надеюсь, вы не лишите меня чести пошить подвенечный наряд для будущей графини Уэнсфилд?

На остреньком личике Доротеи расплылась угодливая улыбка.

Джулия отвернулась к окну. Там, за стеклом, шла привычная неспешная жизнь. Возле мясной лавки беседовали служанки Скримпеллов и Броуди, по пыльной дороге гонял мяч мальчишка Доусонов, рядом с почтой остановилась новенькая карета, и из нее суетливо выбралась старая леди Хиллен. Джул и сама с радостью оказалась бы на улице, подальше от неискренней улыбки мадам и пыльного запаха слежавшихся тканей.

– Так я могу надеяться, миледи? – снова спросила Дороти.

– Если до этого дойдет дело, – протянула леди Фицуильям, – разумеется, мы обратимся к вам. Девочки, нам пора, – повернулась она к дочерям.

Радостно улыбающаяся Элизабет и задумчиво-отрешенная Джулия молча последовали за ней и покинули лавку, оставив ее хозяйку подсчитывать будущие барыши.

***

Редкие капли дождя отвлекли Джул от воспоминаний. Она огляделась по сторонам и плотнее закуталась в шаль. По воде расходились небольшие круги, ветер гнал низкие тучи и трепал страницы лежащей на скамье книги, а ветви деревьев испуганно гнулись к самой земле. Погода не желала баловать жителей Вуллсхеда солнечными деньками.

Джулия поднялась, прихватила с собой старенький томик и двинулась по дорожке к дому. На фоне грозового неба его древние стены казались особенно зловещими. Они мрачно нависали над парком, отбрасывали тень на извилистые дорожки и неодобрительно поглядывали на Джулию своими узкими стрельчатыми окнами. Так старики наблюдают за молодежью поверх спущенных на нос очков.

Джул зябко поежилась. Она не любила старый замок. С самого первого дня он внушал ей опасение. Особенно ночью, когда стихали все звуки, и на Вуллсхед опускалась вязкая тишина.

– Миледи, вот вы где! Милорд волнуется, велел мне вас в дом завести!

Клара, сбежав со ступеней, суетливо набросила на нее длинный плащ.

– Уже иду, – ответила Джулия.

Она поправила тяжелую ткань и направилась к дверям. Дождь припустил сильнее. Крупные капли запрыгали по лужам, застучали по витой ограде крыльца, забарабанили по мощеному камнем двору, сливаясь со звуком колес подъехавшего экипажа.

«Интересно, кому взбрело в голову ездить по гостям в такую погоду?» – подумала Джул.

Потянув на себя тяжелую створку, она уже собиралась войти, но неожиданно столкнулась с выходящим из дома мистером Бинглоу. Этого-то какая нелегкая принесла?

– Миледи, – приподнял цилиндр известный лондонский стряпчий.

– Добрый день, мистер Бинглоу, – коротко поприветствовала его Джул.

Она не любила поверенного мужа. Его визиты не сулили ей ничего хорошего.

– Ох, миледи, – откликнулся стряпчий. – Была бы погодка получше, так и день был бы добрым!

Мистер Бинглоу натянуто улыбнулся, суетливо открыл зонт и постарался незаметно проскользнуть мимо Джулии.

– Всего доброго, Ваше сиятельство, – пробормотал он, старательно пряча глаза.

Джулия хмыкнула, наблюдая, как мистер Бинглоу чуть ли не бегом спускается по ступеням, исчезает в недрах громоздкого экипажа, и тот трогается с места. Какая поспешность!

Джул проводила отъезжающую карету задумчивым взглядом. Выходит, граф составил новое завещание. Пятое по счету, со дня своей женитьбы. Интересно, что он придумал на этот раз?

Она открыла дверь и вошла в полутемный холл, отделанный красным деревом. Едва заметный запах плесени привычно напомнил о древности замка. Однажды Джул попыталась уговорить мужа заменить старые панели, но граф даже слушать ее не стал. «Дорогая, этот дом – наследие моих предков, – заявил тогда лорд Норрей. – Здесь все дышит стариной и историей. И, уж поверьте мне, менять что-либо в Вуллсхеде – настоящее преступление!».

Спорить с графом оказалось бесполезно. Если он сказал, что дом дышит стариной, значит, так оно и есть, а запах плесени ей только мерещится. И Джулия сдалась. История рода была единственной страстью Уильяма. Долгими зимними вечерами он рассказывал Джул о досточтимых предках, о славном прошлом Норреев, о первом графе Уэнсфилде, о его заслугах перед короной и многочисленных победах на поле боя. Джулия слушала мужа, но думала вовсе не о том, что он рассказывал, а о самых простых вещах – о грядущем Рождестве, о подарках близким, о том, что неплохо было бы переделать одно из прошлогодних платьев и выбрать новый набор для вышивания. Лорд Норрей, довольный внимательной слушательницей, пускался в красочные описания далеких сражений, а Джул кивала в нужных местах и с нетерпением ждала окончания очередной лекции. Разумеется, ни о каком ремонте речи больше не заходило, и ей приходилось мириться с тяжелой, старомодной обстановкой особняка. В Вуллсхеде даже современного газа не было. Граф не разрешал «уродовать» дом трубами и рожками, и обитателям замка приходилось пользоваться свечами и масляными лампами.

– Его сиятельство у себя? – спросила Джул у служанки, отдавая ей мокрый плащ.

– Да, миледи, – ответила Молли. – Милорд в кабинете.

Джулия кивнула и неспешно направилась к своей комнате. Узкие коридоры, каменные стены, полутьма – все это навевало уныние и давило, забирая из сердца тепло и радость. В замке царили тишина и холод. Как в склепе. Джул иногда хотелось крикнуть что-нибудь или громко рассмеяться, чтобы разрушить гнетущую атмосферу Вуллсхеда, но она понимала, что не может позволить себе настолько забыть. Пока не может.

Проходя мимо открытой двери кабинета, Джул услышала негромкий голос графа:

– Дорогая, зайдите ко мне.

Она вошла в полумрак покоев и прищурилась. Низкое осеннее небо почти не давало света, и в кабинете было по вечернему темно. По углам шептались тени, в камине догорали дрова. Отсветы огня падали на широкую медную полосу, закрывающую пол перед очагом, тихо потрескивали красные сердитые угли.

– Вы что-то хотели, милорд?

Джул застыла на пороге и посмотрела на мужа.

Уильям сидел в глубоком кресле, и ноги его были укутаны теплым пледом. Похоже, больные суставы графа снова ныли на погоду. Джулия нахмурилась. С обострением подагры характер супруга становился просто невыносимым. И ведь граф знал, что Вуллсхед – не самое подходящее место для его здоровья, но все равно упорствовал, не желая уезжать в Лондон. Джул вспомнила столичный особняк – современный, светлый, сухой, – и вздохнула. Ей не терпелось вернуться в Найтсбридж и забыть о старом замке до следующей зимы, когда наступит время очередной ежегодной «повинности».

– Думаю, вам будет интересно узнать, что я составил новое завещание, – веско произнес граф. Он по-птичьему склонил голову и уставился на нее своими выпуклыми водянистыми глазами. – В нем я указал вас единственной наследницей всего моего состояния, при условии, что в течение пяти последующих после моей смерти лет вы не выйдете замуж. Мистер Бинглоу заверил это завещание, а Мэри и Тобиас поставили свои подписи, так что оно имеет законную силу, – супруг окинул Джул цепким взглядом и холодно улыбнулся. – Вы можете идти, миледи. – Он откинулся на спинку кресла и подтянул повыше клетчатый плед. – И постарайтесь сегодня не опоздать к обеду.

Джулия задумчиво посмотрела на мужа. Похоже, тому доставляет удовольствие ее мучить. Каждый раз он указывает в завещании все новые условия. В прошлом декабре лорд Норрей пожелал, чтобы его вдова провела в одиночестве три года. Сейчас речь идет уже о пяти годах. Наверное, в следующем завещании этот срок увеличится до десяти лет. Джул усмехнулась. Бедный Уильям! Он так боится, что без него она будет счастлива!

Она тихо прикрыла за собою дверь и медленно направилась к своим покоям. Со стен темного коридора на нее смотрели многочисленные предки графа. Гордые аристократы, их жены и дети. Властные, полные осознания собственной значимости, с характерными тонкими губами и выдающимися вперед подбородками – отличительными чертами всех Норреев. Джул порой казалось, что Уэнсфилды не одобряют выбор своего потомка.

«Эта выскочка? – слышались ей презрительные возгласы высокомерных аристократов. – Ей не место рядом с нами!».

Нет, в чем-то они были правы. Она совсем не подходила на роль графини. Да и не стремилась к этому. Джулия никогда не мечтала о титулах и богатстве, её вполне устраивала тихая деревенская жизнь в имении отца. Утренние прогулки по холмам, визиты к соседям, долгие беседы с викарием. Ах, как же она скучала по прежним, размеренным денькам! Если бы не этот брак... Если бы Уильям женился на Лиззи, за которой ухаживал...

Пять лет назад

Высокие ворота Вестерфилд-парка были широко распахнуты. Сегодня, в день ежегодного бала, все знатные семейства Уилтшира съезжались в имение лорда Уильяма Дэвида Норрея, двенадцатого графа Уэнсфилда.

Сэр Джордж Фицуильям, вместе с женой и двумя дочерьми, прибыл во дворец одним из последних.

– Джулия, как думаешь, Его сиятельство пригласит меня на первый танец? – поблескивая глазами, спросила Лиззи. Она поправила свое пышное розовое платье и, нетерпеливо поглядев по сторонам, взволнованно сжала в руке веер. – Надеюсь, мы откроем бал вальсом. Но даже если это будет полонез – тоже неплохо. Ой, как я волнуюсь!

Экипаж въехал в ворота Вестерфилд-парка, и Элизабет восторженно ахнула, рассматривая многочисленные клумбы, ровные стрелы аллей и высящийся впереди дворец.

– И все это будет моим! – благоговейно прошептала она.

– Лиззи, а ты уверена, что лорд Норрей танцует? – насмешливо сверкнула глазами Джулия. Спрашивать о том, уверена ли сестра в своем праве, владеть Вестерфилд-парком, она не стала. – В его возрасте...

Договорить Джул не успела.

– Ну вот, опять ты! – прервала ее Элизабет. – Можно подумать, мы говорим о древней развалине!

– Но он и правда стар, – удивленно посмотрела на нее Джулия.

– И ничего подобного! Наш папа старше графа на два года, но ты ведь не думаешь, что он старик? Маменька, ну, скажите ей!

– Девочки, не ссорьтесь, – мягко пожурела дочерей леди Фицуильям. – Джулия, хватит дразнить Лиззи. Лучше подумай о том, что и тебе пора бы уже найти жениха.

Джул опустила глаза, пытаясь удержать смех. Ее мать и сестра были так похожи! Любой их разговор рано или поздно заканчивался выводом, что Джулии просто необходимо подцепить какого-нибудь джентльмена, и непременно богатого. Она еле слышно фыркнула. Интересно, зачем ей это нужно? Разве счастье заключается в богатстве? А как же добрый нрав, родство душ, любовь, наконец? Не понимала она этих постоянных поисков выгодной партии, непрерывных разговоров о помолвках и о всевозможных ухищрениях, способных, по мнению маменьки, привлечь внимание молодых людей. И даже не очень молодых. А порой, и откровенно старых, вот, как в случае с лордом Норреем. Стоило графу Уэнсфилду пару раз заехать к отцу по делам, как маменька с Лиззи тут же вообразили, что лорд влюбился в Элизабет. Ну не смешно ли? Бедный лорд Норрей! Не успел приехать в Уилтшир, как все окрестные девицы, возрастом от пятнадцати до пятидесяти, принялись мечтать о титуле графини Уэнсфилд и о предложении руки и сердца от одного из самых закоренелых холостяков Англии. Джулия втайне потешалась над всеобщим помешательством, но не рисковала выказывать свое отношение к этому слишком явно. Ей хватало и беззлобного подтрунивания над сестрой. Та была так уверена в своих чарах, что уже видела себя хозяйкой Вестерфилд-парка и прочих имений графа.

– Леди Фицуильям, лорд Фицуильям!

Высокий, внушительный дворецкий торжественно поклонился. Хозяин поместья не дождался опаздывающих гостей, оставив встречать их своего слугу.

Семейство прошествовало мимо него в парадную залу, стараясь не показывать своего любопытства, но оно так и прорывалось – в быстрых взглядах, в удивленных вздохах, в восхищенных восклицаниях.

– Джул, взгляни, какая позолота! – восторженно шептала Лиз, оглядываясь вокруг. – А паркет! Ты видишь, Джул?!

– Тихо, Лиззи, – призвала ее к порядку леди Фицуильям. – Умерь свой пыл, иначе все подумают, что ты никогда не видела подобной обстановки.

«А она и не видела!» – иронично подумала Джулия, но вслух ничего не сказала.

Под сводами огромной комнаты звучала музыка, раздавался негромкий гул голосов и слышался мелодичный женский смех.

– Ах, Джул, погляди, вон граф Уэнсфилд! – довольно прошебетала Элизабет. – Ты видишь, он смотрит прямо на меня!

Джулия взглянула на столпившихся у дальнего конца залы гостей и выделила среди них высокую, худую фигуру графа. Тот действительно смотрел в сторону вновь прибывших, только ей показалось, что его взгляд направлен не на Лиззи, а на нее. Чуть ли не как! Она-то чем могла заинтересовать сиятельного лорда?

Между тем, хозяин дворца, негромко сказав что-то окружающим его гостям, направился напрямик к Фицуильямам.

– Леди Агата, сэр Джордж, – не дожидаясь приветствий, слегка кивнул он старшему поколению семьи. – Мисс Фицуильям, – губы лорда коснулись затянутой в перчатку руки Джулии. – Мисс Элизабет Фицуильям, – обернулся граф к Лиззи, – вы, как всегда, очаровательны!

Элизабет вспыхнула от комплимента, с надеждой взглянув на лорда Норрея.

– Вы окажете мне честь?

Граф протянул руку.

– Разумеется, – ответила Лиз, вкладывая свои пальчики в его ладонь и многозначительно глядя на сестру – дескать, я же тебе говорила?

Джулия ободряюще улыбнулась ей и чуть отошла в сторону, стараясь не обращать внимания на цепкий, слегка недовольный взгляд, брошенный графом в ее сторону. Мало ли, может, лорд Норрей вовсе и не на нее смотрел? Может, у него просто настроение неважное? Или несварение. А что? В его возрасте с джентльменами подобное довольно часто случается.

Граф Уэнсфилд что-то коротко сказал сэру Джорджу и повел Элизабет в центр залы. Музыканты только того и ждали, и вскоре, первые звуки полонеза поплыли по дворцу. Гости оживились. Вслед за хозяином и его дамой, они выстроились парами, и танец начался. Короткие шаги, легкие наклоны – полонез плыл по бесконечной анфиладе парадных комнат, унося за собой и негромкий шум разговоров, и нежный женский смех.

Джул с облегчением вздохнула. Похоже, сегодня ее миновала участь занимать беседой очередного местного повесу.

– Мисс Фицуильям, не будете ли вы так любезны, оказать мне честь станцевать с вами?

Перед Джул неожиданно возник высокий, светловолосый мужчина и коротко поклонился. На военном мундире блеснули начищенные пуговицы.

– Разумеется, лорд Конли, – улыбнулась ему Джул.

Племянник графа ей нравился. Он был серьезен, немногословен и выгодно отличался от большинства своих сверстников трезвым взглядом на жизнь. Лорд Конли часто сопровождал своего дядю, и Джулия имела удовольствие несколько раз общаться с ним, во время визитов лорда Норрея в Лонгберри.

Она вложила свою руку в широкую ладонь мужчины и направилась вслед за ним к танцующим.

– Как вам сегодняшняя вечер? – делая первые шаги, поинтересовался лорд Конли.

– Все довольно мило, – ответила Джул.

Она привычно спрянула иронию за расхожей фразой. Лорд Конли не заметил подвоха и продолжил разговор:

– Мне кажется, на этот бал съехались жители всего графства.

– Да, судя по количеству карет и экипажей, так оно и есть, – усмехнулась Джулия.

– Вас больше привлекают не люди, а экипажи?

Лорд Конли вздернул бровь.

– Знаете, порой, парадный выезд может рассказать о человеке гораздо больше, нежели его внешность или наряд.

– Да? И о чем вам говорит карета графа?

Собеседник посмотрел на нее без капли насмешки. Основательно и серьезно, как будто речь шла об очень важном деле.

– О нет, я обещала не выдавать ее тайны!

– Вот как? А что с остальными экипажами?

– Тайны их хозяев тоже останутся со мной, – торжественно заявила Джул, но, не выдержала и усмехнулась. – Тем более что ничего интересного в них нет.

– А я смотрю, вы не жалуете местную знать, – проницательно заметил ее партнер, не забывая выполнять шаги полонеза.

– Что вы, как можно? – нарочито серьезно посмотрела на него Джулия, слегка приседая и легко скользя по паркету. – Не старайтесь, лорд Конли, вам не удастся обвинить меня в неуважении к Уилтширскому обществу.

– У меня и в мыслях не было, – улыбнулся мужчина и перевел разговор на другую тему. – Как вы полагаете, сезон пройдет успешно?

– Если Его сиятельство останется в Уорминстере на все лето, то успех сезону будет гарантирован, – вернула ему улыбку Джулия. – Приезд лорда Норрея весьма оживил светскую жизнь Уилтшира. Думаю, все будут рады, если граф Уэнсфилд пробудет в своем поместье как можно дольше.

Она мягко посмотрела на мужчину и, стараясь не показывать личного интереса, спросила:

– Как вы думаете, лорд Норрей задержится в Вестерфилд-парке?

– Боюсь, я не могу ответить ничего определенного, – с сожалением взглянул на нее лорд Конли. – Дядя никого не ставит в известность о своих планах. Вполне возможно, что уже скоро он покинет графство. Увы, у лорда Норрея слишком много дел.

– Что ж, тогда нашему обществу придется удовольствоваться привычным досугом, – притворно вздохнула Джулия, опустив глаза, чтобы скрыть мелькнувшую в них радость. Боже, да она дожидаться не могла, когда граф уедет и всеобщее помешательство, наконец, прекратится!

– А какие именно развлечения предпочитают жители Уилтшира в обычное время? – заинтересованно спросил лорд Конли.

– О, наша жизнь не отличается разнообразием. Несколько раз за сезон устраиваются балы, если позволяет погода, мы выезжаем на пикники, еще бывают театральные представления и выступления заезжих знаменитостей, – перечислила Джул. – Боюсь, с лондонским сезоном наш не сравнится.

– Зато в провинции все гораздо душевнее и теплее, – откликнулся лорд Конли. – Лондонский свет слишком чопорный и скучный.

– Поверю вам на слово, – усмехнулась Джулия и присела в реверансе. Полонез подошел к концу, как и их с лордом Конли разговор.

Вернув Джул под опеку леди Фицуильям, Конли поклонился и отошел к группе молодых людей, с жаром обсуждающих новые законопроекты. Шумные восклицания не оставляли сомнения в теме их разговора. Лорд Конли легко присоединился к беседе, а Джулия подняла веер и скрыла за его перьями задумчивую улыбку. Разговор с лордом Конли ее развлек. Пожалуй, она даже слегка заинтересовалась этим мужчиной, что удивительно, учитывая ее скептическое отношение к неравным бракам.

– Джули, ты не знаешь, где Элизабет? Что-то я потеряла нашу Лиз из виду, – прервала ее раздумья маменька.

Джул незаметно обвела взглядом бальную залу и заметила Элизу в обществе графа Уэнсфилда. Лиззи радостно улыбалась, а Его сиятельство невозмутимо вел ее под руку, направляясь напрямиком к леди Фицуильям.

– Если я не ошибаюсь, через пару минут она будет здесь, – ответила Джулия, наблюдая, как странная пара подходит все ближе. Цветущая молодость и увядающая старость – разительный контраст. Как Лиз этого не видит? Неужели деньги лорда Норрея способны заменить сестре искреннее чувство?

– Благодарю вас, мисс Элизабет, – чопорно поклонился граф, возвращая Лиззи «под крыло» ее матушки. – Вы доставили мне незабываемое удовольствие.

Он еще раз коротко поклонился и неожиданно кинул быстрый взгляд на Джулию. Она невольно поежилась – глаза лорда Норрея слишком пытливы смотрели на нее из-под кустистых бровей. Джул сдержанно улыбнулась и выжидающе посмотрела на графа, однако тот сделал вид, что не заметил этого взгляда, и молча покинул дам Фицуильям.

А бал продолжался. Сменяли друг друга вальсы и мазурки, кружились пары, дамы обмахивались веерами, кавалеры норовили многозначительно пожать ручку понравившейся девице, пожилые джентльмены коротали время за картами, а леди – за разговорами.

Джулия станцевала еще несколько танцев и тихо отошла за колонну, намереваясь немного перевести дух. Она задумчиво смотрела в окно, когда ее отвлекли раздавшиеся неподалеку голоса.

– Ну что, проверил? – негромко спросил мужчина, в котором Джул без труда узнала графа.

– Да, дядя, – тихо ответил лорд Конли.

– И что? Как она себя вела? Сумел вызвать интерес?

– Боюсь, что нет. Леди не пожелала продолжить общение. Мне показалось, она с радостью оставила меня, едва закончился танец.

– Что ж, хорошо. Как думаешь, подойдет?

– Не знаю. Но характер виден, как бы она ни пыталась его скрыть.

– А кто-то еще ею заинтересовался?

– Кажется, она не слишком жалуется местное общество. Явных привязанностей я не заметил.

Собеседники отошли в сторону, и Джулия не смогла узнать продолжение заинтересовавшего ее разговора, но и услышанного вполне хватало для размышлений. Похоже, лорд Норрей решил проверить какую-то леди, подослав к ней своего красавчика-племянника. Если поверить слухам и допустить, что граф собирается жениться на Лиззи, то... Боже, какая чушь! Ну с чего престарелому лорду жениться на юной девочке? Нет, у нее точно размягчились мозги, совсем как у местных кумушек, если она всерьез допускает подобное!

После ужина, во время которого Джулии выпала честь сидеть рядом с лордом Конли, сэр Джордж принялся торопить дочерей.

– Лиззи, Джулия, пора прощаться с хозяином, – нетерпеливо произнес он. – Агата, дорогая, не задерживайтесь. Не забывайте, путь домой неблизкий.

– Папенька, но ведь вечер еще не закончился, – обиженно уставилась на него Элизабет. – И никто даже не собирается разъезжаться.

– Не спорь, душа моя, – вмешалась леди Агата. Она прекрасно знала, когда не стоит перечить супругу.

Сэр Джордж был страстным домоседом и едва терпел многочисленные сборища. Сегодняшний бал и так явился для него тяжелым испытанием, а потому леди Фицуильям предпочитала не злить мужа и согласиться с его решением.

– Маменька, ну почему мы все время уезжаем раньше всех? Джул, хоть ты скажи! – обратилась Элизабет за поддержкой к сестре, зная, что отец всегда прислушивается к своей старшей дочери.

– Увы, Лиззи, тут я ни чем не могу тебе помочь. Папенька и так пропустил вечерний бридж с викарием, боюсь, еще одной задержки он просто не вынесет, – пытаюсь удержать на лице серьезное выражение, ответила Джул...

***

Воспоминания вызвали у Джулии грустную усмешку. Что толку думать о том, что было? Все равно ничего не исправить.

Джул свернула к лестнице, и ее взгляд случайно задержался на одной из картин. Светлые волосы, темно-синий камзол, пышное жабо, пенящиеся кружева манжет – изображенный на портрете молодой мужчина пристально смотрел на нее льдисто-голубыми глазами, и Джул готова была поклясться, что в них читался неподдельный интерес. Неизвестный лорд выглядел удивительно живым. Казалось, еще немного, и он выйдет из позолоченной рамы и склонит голову в старомодном поклоне.

Она нерешительно остановилась, разглядывая странный портрет. Ей даже захотелось дотронуться до него, чтобы убедиться, что под ее ладонью – всего лишь холст. Она уже протянула руку, и в этот момент в окно заглянул заблудившийся солнечный лучик. Он пробежал по стене, коснулся картины, подчеркнул тонкую сеточку кракелюров, пересекающих искусно выписанное лицо, высветил легкие мазки кисти, подчеркнул яркий цвет радужки. Джулия усмехнулась. Как глупо! Все-таки этот старый замок странно на нее влияет. Вечно ей что-то мерещится!

Она покачала головой и решительно взбежала по ступенькам. До обеда оставалось не так уж много времени, и ей следовало поторопиться – Уильям терпеть не мог, когда она опаздывала.

– Клара, подготовь синее платье, – входя в свои покои, распорядилась Джулия.

– Слушаюсь, миледи.

Проворная горничная тут же исчезла в гардеробной, а Джул подошла к зеркалу и принялась вынимать из волос шпильки. Длинные густые пряди, цвета верескового меда, рассыпались по ее плечам.

– Ваше сиятельство, не торопитесь. Я сейчас помогу.

Клара, повесив платье на спинку кровати, кинулась к хозяйке и забрала из ее рук щетку.

– Ох, миледи, какая все-таки красота! – не удержалась от восторженного восклицания горничная. – Послал же Господь такое богатство! Не волосы, а огонь, так и горят ярким пламенем, чисто золото.

Джулия улыбнулась. Ее тронуло искреннее восхищение Клары. В браке с лордом Норреем Джул почти забыла о том, что она молодая, красивая женщина, и сейчас похвала служанки показалась особенно приятной. С самых первых дней замужества Джулии поняла, что ей не стоит принимать чьи-либо комплименты или уделять внимание посторонним мужчинам. Закрытые наряды, минимум общения с противоположным полом, немногословные беседы с престарелыми родственницами мужа, редкие визиты к родителям – вот и все, что было доступно молодой графине Уэнсфилд.

Лорд Уильям Дэвид Норрей, девятнадцатый граф Уэнсфилд, просвещенный аристократ и либерал, оказался дьявольски ревнив, и его супруге пришлось смириться не только с собственническими замашками графа, но и с многочисленными ограничениями, появившимися в ее жизни сразу после замужества.

– Ну вот, миледи, готово, – довольно улыбнулась горничная, закрепляя последнюю шпильку. – Вы у нас настоящая красавица!

Джул внимательно посмотрела в глаза своему отражению. Красавица... Так-то оно так, да только кому ее красота нужна? Усмехнувшись, она дождалась, пока Клара поможет ей с платьем, и, не оглядываясь, покинула свои покои.

Глава 2

– Вы опоздали, – строго заметил лорд Норрей, недовольно пожевав губами.

Стоящий у буфета дворецкий вытянулся ровнее и уставился поверх головы графа, стараясь не смотреть на Джулию.

– Простите, милорд, – примирительно улыбнулась Джул, подходя к своему стулу и дожидаясь, пока Боссом его отодвинет. – Как вы себя чувствуете? Суставы больше не беспокоят?

Она села и расправила на коленях салфетку. В столовой было привычно тихо. Эту тишину разбавлял только треск дров в камине. Огромный, выложенный темным камнем очаг остался еще со времен первого владельца замка и с тех пор ни разу не перестраивался. Когда-то в нем зажаривали туши диких животных, убитых на охоте, а сейчас он казался пустым и голодным. Разве могли обычные дрова насытить привыкшую к кровавым жертвам утробу?

«Утробу... Ну и воображение у тебя, Джул! – хмыкнула Джулия. – Обычный камин, пусть и не очень красивый».

Она окинула взглядом стол. Кто бы сомневался! Седло барашка. Ничего другого она и не ждала.

– Так как ваше самочувствие, дорогой? – обратилась она к мужу.

Граф не торопился отвечать. Он снова пожевал губами, отпил немного вина, посмотрел сквозь бокал на свет и лишь после этого заговорил.

– Благодарю, дорогая, сегодня мне гораздо лучше, – сказал Уильям, и в голосе его прозвучало едва заметное недовольство. – Вчера я отправил своего поверенного к сэру Джорджу, он просмотрит кредитные бумаги и сообщит мне о выплаченных процентах. Ваш отец сумел разумно распорядиться ссудой. Меня это радует, – медленно произнес граф, наблюдая, как Боссом разделяет барашка.

Джул вежливо кивнула. О, за последние годы она вполне научилась не выказывать своих эмоций. Хотя новость была чудесной. Папенька выплатил все долги и больше не будет зависеть от графа, а значит, ее жертва не была напрасной! Прежняя Джул уже радостно хлопала бы ладоши, нынешняя же леди Джулия лишь склонила голову и улыбнулась.

– Достаточно, Боссом, – лорд Норрей жестом остановил слугу, выкладывающего на его тарелку кусочки баранины и гарнир.

Граф Уэнсфилд пригубил вино и принялся за ужин, а Джул едва заметно поморщилась. К сожалению, ей приходилось разделять многовековую любовь Норреев к седлу барашка, приготовленному по особому семейному рецепту. И это невзирая на то, что она терпеть не могла баранину, и муж это прекрасно знал. К слову, граф знал о ней все – что она любит и что ненавидит, он был осведомлен обо всех ее передвижениях и тратах, а также о содержании писем и разговоров. И с особым удовольствием играл на ее слабостях. А вычислить их для него оказалось нетрудно. Лорд Норрей, несмотря на возраст, обладал гибким умом и твердой памятью. Джул часто поражалась точности его суждений о людях или о происходящих в стране событиях.

– Дорогая, вам не понравилась баранина? – блеклые голубые глаза смотрели пристально, заставляя Джулию отвлечься от размышлений.

Она подняла взгляд на мужа и вздрогнула от неожиданности. Прямо за стулом графа стоял незнакомый джентльмен и смотрел на нее с плохо скрытым интересом. Высокий, светловолосый, он был красив какой-то необычной красотой и казался немного ненастоящим.

– Джулия, вы опять спите за столом? – недовольно проворчал граф, а она была не в силах оторвать взгляд от лица мужчины, пытаясь вспомнить, где могла его видеть и почему слуги обходят гостя стороной.

Светловолосый джентльмен понимающе усмехнулся. Он словно бы читал ее мысли, знал, что она сейчас думает, и его это забавляло.

– Я не голодна, милорд, – постаралась спокойно ответить Джулия.

Гость задумчиво посмотрел на ее тарелку. В глазах его сверкнуло серебро.

– Джулия, твой плохой аппетит меня огорчает, – укоризненно покачал головой Уильям.

Он никак не реагировал на присутствие постороннего мужчины, и Джул не представляла, что и думать. Она и хотела бы обратить внимание мужа на гостя, но решила промолчать. Вдруг это очередная проверка? С Уильямом никогда не знаешь, чего ожидать.

– Надеюсь, ты помнишь, что мне нельзя расстраиваться? – проворчал граф.

Он цепко наблюдал за женой из-под полуопущенных век, тщательно пережевывая мясо.

Под этим внимательным взглядом Джул наколола вилкой кусочек ненавистой баранины и отправила его в рот, мысленно удивляясь хорошему аппетиту мужа. Странное дело – несмотря на возраст, Уильям легко справляется с тяжелой пищей. И зубы у него не болят. И желудок работает исправно.

Она через силу проглотила еще один кусочек. Нет, все-таки редкостная гадость эта баранина!

Незнакомец нахмурился, а граф, глядя на усилия Джулии, удовлетворенно улыбнулся и негромко произнес:

– Меня радует ваша забота о моих нервах, дорогая.

И именно в этот момент гость склонил голову в коротком поклоне и исчез. Исчез, растворился в воздухе, испарился – в буквальном смысле!

– Джулия, да что с вами сегодня? – недовольно нахмурился граф. – Вы словно привидение увидели!

Привидение... Да, похоже на то. Вот тебе и еще одна загадка Вуллсхеда! Как будто остальных ей было мало.

Джул постаралась взять себя в руки. «Глупости все это, – подумала она. – Мне просто померещилось. Всегда знала, что замкнутый образ жизни до добра не доведет. Еще несколько дней в этой глуши, и я не только незнакомых джентльменов увижу, но еще и парочку дам в придачу!».

А граф отодвинул тарелку, подозвал Боссому и велел подавать десерт.

– Да, кстати, Джулия, вечером я буду ждать вас у себя, – добавил Уильям, дождавшись, пока слуга выйдет из столовой.

Джул ничего не ответила, только кивнула. Кто бы знал, как тяжело ей давалась подобная невозмутимость! Но Уильям не терпел проявления эмоций, и она научилась их скрывать.

***

– Да-да, вот здесь. И опуститесь ниже. М-мм... Хорошо. Не останавливайтесь.

Тихие стоны и ритмичные поскрипывания кровати раздавались из спальни лорда Норрея.

– Ну же, дорогая, не торопитесь. Да, вот так... И еще немного выше. Умница! А теперь, сожмите сильнее. Не так! Джулия, ну как можно быть такой неловкой?! Вы хотите, чтобы у меня остались синяки?

Граф Уэнсфилд приподнялся на постели и разгневанно уставился на жену. Джулия продолжала разминать больную ногу мужа, стараясь не реагировать на его слова. За пять лет брака она успела привыкнуть к постоянному брюзжанию старого графа. Это поначалу было сложно, а сейчас она попросту их не слышала. «Витала в облаках» – как язвил Уильям.

– Дорогая, я устал от вашей невнимательности, – рассерженно проворчал лорд Норрей. – Я много раз просил вас быть аккуратнее. После вашего массажа у меня все болит. Вот о чем

вы сейчас думаете? Как выгоднее потратить мои деньги? Или мечтаете о том времени, когда станете свободной?

Граф пристально уставился на жену и, приподняв ее подбородок, заставил Джул оторваться от созерцания его распухших суставов.

– О, похоже, я не ошибся! Это гневное выражение... И румянец... А сколько огня во зоре! Вы страстная женщина, Джулия. Боюсь, будь я моложе, мне не удалось бы удержаться от искушения.

Лорд Норрей провел ладонью по лицу супруги и обвел указательным пальцем контур ее губ, чуть прихватывая нижнюю.

– Жаль, что я встретил вас так поздно, – словно про себя, заметил он. – Ваше тело, ваш темперамент... Вы идеальны, дорогая, – рука графа скользнула к скромному вырезу темно-синего платья.

Джулия попыталась отстраниться, но Уильям не позволил. Он коснулся кружева, спустился ниже, к выступающим холмикам груди, ласково, словно в забыты, погладил их и прерывисто вздохнул.

– Сними его, – тихо приказал он.

– Что?

– Сними это чертово платье!

– Милорд! – Джул возмущенно взглянула на мужа. – Вы не можете...

– Я все могу! – Раздраженно перебил ее супруг. – Раздевайся! Я хочу видеть то, за что заплатил немалые деньги.

– Уильям, но вы сами сказали, что не прикоснетесь ко мне.

Джулия растерянно смотрела на мужа. С самой брачной ночи, тот ни разу не приходил к ней в спальню и никогда не требовал исполнения супружеского долга. Что нашло на него сегодня?!

– Я имею полное право иметь вас так, как мне захочется, – разгневанно процедил граф, особо выделяя слово «иметь». – Хватит упираться, снимайте ваше проклятое платье.

– Мне нужна горничная, милорд, – упрямо посмотрела на него Джул. Она не собиралась так быстро сдаваться, надеясь, что муж откажется от своей глупой затеи. – Сама я не справлюсь с застежками.

– Подойдите ближе, – повел плечом граф. – Я не настолько стар, чтобы не суметь раздеть женщину.

Лорд Норрей, подтянув жену к себе, резко дернул шнуровку ее пышного платья. Корсет тоскливо скрипнул.

– Вот так, – довольно заметил граф, ловко справляясь с застежкой.

Джул, закусив губу, терпела грубые прикосновения мужа, понимая, что не в силах сопротивляться его законному желанию – супруг имел полное право видеть ее обнаженной. Правда, от осознания этого легче ей не стало.

Переступив через нижние юбки, она прикрыла руками выступающую над корсетом грудь и опустила голову, пряча заалевшие щеки. Несмотря на законность брака, Джулия чувствовала себя униженной. Даже в первую брачную ночь она не была так взволнованна. Тогда она была готова к тому, чтобы исполнить супружеский долг, но сейчас... Джул так привыкла к фиктивности собственного замужества, что забылась и перестала опасаться графа. Она крепко сжала тонкую кружевную отделку и закрыла глаза. Пусть супруг делает, что хочет. Ей все равно!

А Норрей, тем временем, встал с постели и обошел жену, скользя внимательным взглядом по аппетитным формам, тонкой талии, полновесным бедрам и изящным щиколоткам своей супруги. Красавица. Какая же она красавица! Жаль, что нельзя воспользоваться этой красотой. Но полюбоваться-то он может? Граф медленно провел рукой по упругим ягодицам девушки, скрытым белоснежными панталонами, переместил ладонь ниже, коснувшись полоски кожи над

чулками, чуть поднялся вверх, достигнув жаркой развилки между бедер супруги, и ощутил соблазнительную мягкость нежных, заманчивых складочек.

Пальцы его дрогнули, поглаживая податливую плоть. Эх, скинуть бы десяток лет, уж он показал бы девчонке, что такое близость с мужчиной! Впрочем, он и сейчас кое-что может. Норрей пристально посмотрел на жену, продолжая ласково касаться средоточия ее женской сути. С каждым его движением щеки Джулии алели все ярче, а дыхание становилось все более прерывистым. Жена стояла с закрытыми глазами, не глядя на него, и граф внезапно разозлился. Ему не понравилось, что супруга пытается скрыть свои мысли.

– Посмотри на меня, – резко приказал он.

Джулия выполнила то, что он потребовал. Замечательно. Норовистая кобылка научилась обуздывать свой норов. Но пока недостаточно... Совсем недостаточно. Граф нахмурился, а супруга подняла взгляд и уставилась на него сверкающими глазами. Норрей увидел в них негодование и стыд.

– Приятно? – вкрадчиво спросил граф.

Жена молчала.

– Ну же, Джулия, ответь. Тебе приятно, когда я касаюсь тебя вот так?

Норрей увеличил нажим, уверенно находя нужную ему точку.

– Говори, – приказал он.

– Нет, – с ненавистью посмотрела на него супруга.

– Нет? – усмехнулся граф. – А так? – он неожиданно надавил сильнее, и Джул не смогла удержать сдавленный стон.

– О да, дорогая, – довольно улыбнулся лорд Норрей. – А теперь вот так, – и он потянул завязки ее панталон. Настойчивая рука оказалась внутри, коснулась мягких курчавых волосков, слегка погладила их и скользнула глубже. – Однако вы не так холодны, как пытались изображать, миледи, – граф довольно усмехнулся. Он всегда знал, что под внешностью добропорядочной леди скрывается настоящий огонь. И эта девчонка пыталась его обвести? Глупышка. – Ну же, Джули, не сдерживайте себя.

Палец проник в узкое лоно и принялся исследовать его, вскоре к нему добавилась вторая, а Норрей пристально наблюдал за лицом жены.

Джулия вновь прикрыла веки и закусила губу, пытаясь выровнять сбивающееся дыхание, но это не помогло. Граф точно знал, что она сейчас испытывает. Еще бы! Тысячи невероятных ощущений зарождались у девушки внутри, лишая воли и гордости, заставляя желать чего-то неизвестного, мощной волной скручивающегося внизу живота.

Норрей с интересом следил за сменой эмоций жены. Стыд, просыпающаяся чувственность, томление, возбуждение. Отлично! Все, как он и предполагал. Его супруга – горячая штучка! Джулия чуть застонала, подавшись к его руке. Она была не в силах сопротивляться изощренной ласке.

– Тш-ш, дорогая, не так быстро, – довольно шепнул он. – Медленнее, вот так.

Норрей слегка повернул руку, вырывая из уст жены тихий вскрик.

О да, граф Уэнсфилд не зря когда-то слыл одним из самых искусных любовников Лондона! Самодовольная усмешка коснулась тонких губ. Он знал, как пробудить потаенные желания женщины. Сейчас Джулия была полностью в его власти. Притянув жену к себе, он высвободил из корсета упругую грудь и сжал один из сосков. А его пальцы все продолжали свою искушающую ласку, ни на минуту не оставляя в покое жаркую глубину между бедер жены. Взгляд графа скользнул по телу Джулии, медленно прошелся по комнате и остановился на старинном зеркале, угрюмо сверкающем позолоченной рамой в темном углу спальни. Норрей вздохнул и распустил стянутые в узел волосы девушки. Яркие рыжие пряди рассыпались по ее плечам, и Норрей довольно улыбнулся, заметив, как поверхность зеркала подернулась рябью. Что ж, его усилия не пропали даром. Дело осталось за малым.

Он размеренно подводил жену к разрядке, не отрывая глаз от старинной рамы и довольно вслушиваясь в тихие стоны Джулии. А та совсем потерялась в незнакомых ощущениях. Девушка тяжело, надсадно дышала, полностью отдавшись в его власть, и тихо постанывала, в такт непрекращающимся движениям. Ее отражение в темной глубине зеркала заораживало своей безыскусной чувственностью и красотой.

Граф чуть увеличил темп, заставляя жену стонать все громче, и наконец резко нажал большим пальцем на хорошо известную ему точку, вынудив Джулию вскрикнуть. А спустя мгновение графиня мелко задрожала и обмякла в его руках, обессиленно откинувшись ему на грудь.

Джул не могла понять, что с ней случилось, но думать о произошедшем не было ни сил, ни желания. Приятная истома охватила все ее тело, лишая воли и разума, заставляя прикипать к мужу и ощущать его поддержку. Она и сама не знала, что чувствует сейчас по отношению к Уильяму. Мысли путались, затухающая дрожь наслаждения приятной волной смывала остатки стыда, а впервые испытанные странные желания продолжали будоражить кровь.

– Ну что ж, миледи, с вашим страстным темпераментом мы разобрались, – словно сквозь вату, услышала Джул насмешливый голос графа. – Теперь вам больше нет нужды изображать в моем присутствии чопорную леди. Мы оба с вами знаем, что вы вовсе не так холодны, как пытаетесь показать, – Уильям хмыкнул и едко добавил: – Думаю, ваш будущий супруг сполна оценит все прелести вашего бурного нрава, и ему придется постараться, чтобы держать вас в узде.

Джулия резко отстранилась от мужа. Ее словно ледяной водой облили. Боже мой, что она вытворяла?! Как могла так забытья? Она умоляюще посмотрела на графа, но тот лишь насмешливо улыбнулся в ответ и покачал головой.

– Боюсь, моя дорогая, мне придется принять во внимание вашу страстную натуру, – Уильям цепко ухватил ее за руку и сжал запястье. Массивные перстни больно впились в нежную кожу. – Отныне вам запрещено покидать пределы Вуллсхеда. Выезжать вы можете только в моем сопровождении.

– Милорд, а как же Лондон? Мы ведь собирались вернуться в столичный особняк, – не смогла сдержать свое возмущение Джул. Несправедливое обвинение мужа, его неприятное недоверие, постоянные упоминания о будущем супруге... Как она могла так забытья? Ведь знала же, что граф никогда и ничего не делает просто так! Ну почему тело так не вовремя ее предало?! Неужели теперь придется расплачиваться за минутную слабость?

– О нет, миледи, – невозмутимо улыбнулся лорд Норрей, и в глазах его блеснул холодный огонек. – Мы остаемся в Вуллсхеде. До Рождества.

Джулия молча посмотрела на мужа и отвернулась. Она не хотела показывать свою слабость. Нет уж. Хватит с нее! Уильям не дожидается ее слез и унижений. Он знает, как она не любит этот старый замок. Не может не знать. И если граф думает, что сумел ее задеть, то он ошибся. Джул выдержит. Обязательно выдержит. Это все такие пустяки, по сравнению с тем, что отец теперь свободен от всех своих долгов, и ее семье больше не грозит нищета.

Джулия потупилась и склонила голову перед мужем.

– Как вам будет угодно, милорд.

Норрей одобрительно посмотрел на супругу. Растет девочка. Научилась скрывать свои мысли и не показывать характер. Молодец. В будущем это умение ей обязательно пригодится.

– Да, Джулия, вы ведь так и не завершили массаж. Придется постараться и заново растереть мою ногу, – строго добавил он, с удовольствием наблюдая за тем, как потемнели глаза жены.

– Хорошо, милорд, – ровно ответила графиня. – Вы позволите мне одеться?

– Накинь мой халат, – милостиво разрешил граф, указав рукой на яркий бархатный баньян.

Джулия подхватила с кресла теплое разноцветье, быстро продела руки в длинные рукава и запахнула тяжелые полы, а потом невозмутимо подошла к сидящему на постели мужу и аккуратно нанесла на его колено едко пахнущую мазь.

– Замечательно, – спустя несколько минут прервал молчание граф Уэнсфилд. – У вас волшебные руки, Джулия. Да, вот так. Сильнее. М-мм... Умница. Еще... Да-да, сильнее... Ох, хорошо!

***

Джул тяжело вздохнула и закрыла глаза. Третий час ночи, а сна так и нет! Что она только ни делала! И овец считала, и стихи вспоминала, но все было бесполезно.

Она никак не могла забыть испытанные в спальне мужа ощущения. Что Уильям с ней сделал? Почему все ее тело напряженно звенело под его руками, рассыпавшись, напоследок, мельчайшими осколками? Она не предполагала, что подобное возможно. И сладкая боль от грубых перстней, и умелые движения длинных пальцев графа. Кто бы мог подумать, что супруг способен на подобные... Она даже не знала, какое слово уместно для обозначения произошедшего. Вольности? Шалости? Извращения?

Если верить маменьке, попытавшейся наставить ее перед первой брачной ночью, то Джулии надлежало всего лишь немного потерпеть. «Понимаешь, Джули, есть некоторые вещи, о которых джентльмены не упоминают при дамах, – леди Агата смущенно запнулась и потрепала дочь по щеке. – Ну, ты сама все поймешь, – расплывчато обобщила она. – Главное, не сопротивляйся и подчиняйся графу во всем. Будет немного больно и неприятно, но ты не должна плакать и вырываться. Женщине полагается быть покорной и выполнять любые прихоти супруга».

Маменька еще что-то говорила о том, что Джулии нужно постараться и не показывать свой характер, тем более что отец не смог выделить обещанные семьсот фунтов, но Джул почти не слышала ее, с ужасом думая о предстоящей ночи. Это что же сделает лорд Норрей, если леди Агата так сочувствующе вздыхает и мнетя? Явно что-то не очень хорошее.

Напоследок леди Фицуильям серьезно взглянула на Джул и тихо сказала:

– Главное, не противься, Цветочек. Думаю, лорд Норрей не часто будет посещать твою спальню, так что тебе не придется постоянно терпеть все эти...

Леди Агата не договорила.

Сейчас, вспоминая свою первую брачную ночь, Джул лишь грустно усмехнулась. Матушка ошиблась. Не пришлось юной графине узнать, что там обычно «джентльмены не упоминают при дамах». Сразу после торжественного обеда граф увез ее в Вуллсхед, и всю ночь напролет знакомил с историей рода Норреев. Джулия, уставшая, напуганная ожиданиями предстоящего действия, вымотанная предыдущей бессонной ночью, так и уснула под негромкий рассказ графа, не успев даже сменить дорожное платье на ночную рубашку, заботливо разложенную прислугой на ее кровати. А утром не смогла понять, делал с ней муж то, что должен был сделать, или нет. Уже гораздо позже, когда Уильям собрался заверить завещание и вызвал доктора Джонаса для осмотра, Джул узнала, что ее девственность так и осталась при ней.

Джулия повернулась на бок и вздохнула. Как графу удастся постоянно держать ее в напряжении? Казалось бы, за пять лет брака она уже более-менее привыкла ко всем странностям их общения, но Уильям умудряется находить все новые и новые способы вывести ее из равновесия. Просто талант какой-то!

Джул устало прикрыла глаза и прислушалась. По ночам Вуллсхед жил своей собственной жизнью. Тихо потрескивали дубовые полы, негромко поскрипывала древняя мебель, еле слышно дребезжали старые оконные рамы, а в каминной трубе тонко завывал ветер.

Она зябко поежилась под тонким одеялом и кинула опасливый взгляд на старинное трюмо, стоящее прямо напротив кровати. Джул не раз говорила мужу, что ей не нравится рас-

положение зеркала и предлагала передвинуть его в угол, но лорд Норрей неизменно отказывал в этой просьбе.

– В моем доме, дорогая, у каждой вещи есть свое, строго отведенное ей место, – неодобительно поджимал губы супруг. – Пока я жив, никаких перемен здесь не будет.

Джулия огорчилась таким ответом, но это не мешало ей периодически повторять попытки, в надежде на то, что граф уступит. К сожалению, она добилась прямо противоположного результата. Раздосадованный ее настойчивостью муж добавил в завещание еще один пункт. На протяжении пяти лет со дня его смерти графиня должна была сохранять обстановку дома в том виде, в котором она ее унаследует.

Джул, узнав о новом условии, лишь невесело усмехнулась. Она уже привыкла к маниакальной страсти супруга до мелочей расписывать всю ее вдовью жизнь. Похоже, Уильяму доставляло особую радость осознание того, что ради наследства Джулии придется терпеть многочисленные ограничения. Казалось, он так боялся, что после его смерти она станет свободной, что готов был на что угодно, лишь бы графиня продолжала зависеть от него и после его смерти.

Джулия покосилась на старое трюмо. Возможно, для любителя старины, зеркало и было уникальным – огромное, вычурное, с богато украшенной рамой. Оно хранилось в семье Норреев еще со времен Георга III. Похожее имелось в спальне у графа, и Уильям очень любил подолгу разглядывать резные завитушки на его раме или поглаживать холодное стекло. Джул всегда искренне недоумевала, видя такую необъяснимую привязанность мужа к обычному трюмо.

– Это наша история, – сказал как-то лорд Норрей, в ответ на ее удивление.

Ну, история или нет, а Джулия с удовольствием избавилась бы от всех Вуллсхедских раритетов! Уж больно мрачные мысли они навевали.

Вот и сейчас, глядя на тусклое стекло, она убеждала себя в том, что бояться ей нечего. Правда, получалось из рук вон плохо. Лунный свет таинственно отражался в глубине зеркала, а темная резная рама тускло блестела остатками позолоты, вызывая у Джул безотчетный ужас. Она и сама не могла объяснить, что именно внушает ей такой страх.

Громкий треск, раздавшийся в камине, заставил Джулию испуганно вздрогнуть. Рассердившись на саму себя, она решительно повернулась на бок и закрыла глаза. Все. Хватит. Не бойтесь она никаких зеркал! И несуществующих привидений. И не верит во всякие чудеса!

Глава 3

Утро ворвалось в комнату гомоном птиц и яркими солнечными лучами.

– Ваше сиятельство, погодка-то какая сегодня замечательная! – бодро тараторила Клара, распахивая окно. – И не скажешь, что октябрь на дворе!

Джулия, передернув плечами от холода, плотнее закуталась в теплый халат и попросила горничную:

– Клара, ты не могла бы принести мне чаю? Не хочу спускаться в столовую.

– Но, миледи, Его сиятельство может рассердиться, – смущенно заметила Клара. – Вы же знаете, милорд не любит завтракать в одиночестве.

Джулия нахмурила тонкие брови. Не любит, верно. Кому, как не ей это знать? Но как же не хочется спускаться вниз! Сидеть за столом, под прицелом въедливого взгляда мужа, улыбаться, делать вид, что ее не задевают колкие слова и язвительные характеристики графа. Господи, если бы можно было хоть один день провести в одиночестве...

– Передай Его сиятельству, что мне нездоровится, – решительно сказала она.

– Как скажете, миледи, – Клара мимолетно улыбнулась. – Может, и получится.

Джул проводила горничную задумчивым взглядом, подошла к окну и выглянула во двор. Вековые дубы, растущие вдоль подъездной аллеи, сегодня казались не такими мрачными, как обычно. Да и опавшая листва, ярким ковром украсившая газоны, прибавила жизнерадостности невзрачному пейзажу.

Джул распахнула окно и высунулась наружу, не обращая внимания на прохладный ветерок, забирающийся под плотную ткань халата. Эх, оказаться бы сейчас в Лонгберри, погулять по саду, заглянуть к мисс Карпентер, послушать ее рассказы о дальних странах и выпить изумительно вкусного чая. Почему-то у старой мисс Шарлотты он всегда получался чуточку особенным, не таким, как у всех. И дом у нее был особенным. Книжки, гербарии, приколотые под стеклом разноцветные бабочки – большие, яркие, совсем как живые. А еще – огромные опахала, привезенные из Индии, деревянные статуэтки и маски африканских племен, изображения слонов и диковинных птиц. С самого детства Джул любила рассматривать их и мечтать, что когда-нибудь тоже будет путешествовать, как мисс Карпентер. И тоже сможет объехать полмира и своими глазами увидеть его красоту. Увы. Ее мечты так и остались мечтами. Какая-то нелегкая принесла графа в Уилтшир, и лишила Джул возможности выбора.

Пять лет назад

В имении Лонгберри царила лихорадочная суета. Горничные носились по лестницам с щипцами для волос и шиньонами, толстая кухарка колдовала над многочисленными кастрюлями и сковородками, лакеи, сбившись с ног, бегали с поручениями то в винную лавку, то к зеленщику, а леди Фицуильям нервно расхаживала по комнате своей младшей дочери и бросала озабоченные взгляды на сидящую у зеркала Элизабет. Щеки Лиз горели лихорадочным румянцем, глаза блестели. Она в волнении прикусывала нижнюю губу и взволнованно смотрела на свое отражение.

– Маменька, вы уверены, что граф Уэнсфилд приедет именно сегодня? – отчаянно краснея, спросила Элизабет.

– Лиззи, душенька, успокойся. Лорд Норрей предупредил сэра Джорджа, что в среду обязательно к нам заглянет.

– Ах, матушка! – Элизабет вскинула на мать испуганный взгляд. – Вы думаете, мне стоит ждать предложения?

Лиз затаила дыхание, в ожидании ответа.

– Посмотрим, дорогая, – уклончиво ответила леди Фицуильям. – Посмотрим.

Хозяйка Лонгберри рассеянно взглянула на дочь и потрепала ее по щеке. Ох, знать бы, что готовит им будущее!

***

Граф Уэнсфилд приехал к обеду. После положенных приветствий и обязательных разговоров о погоде, семейство Фицуильямов и лорд Норрей прошли в столовую, где отдали должное стараниям кухарки, а потом Его сиятельство с сэром Джорджем удалились в кабинет, куда вскоре была вызвана и Джулия.

Джул, услышав повелительное приглашение, переданное Джобсом, с недоумением посмотрела на мать. С чего вдруг папеньке вздумалось ее видеть?

– Иди, Джули, – кивнула ей леди Агата, и Джул торопливо направилась к отцу.

С каждым шагом она шла все быстрее, подгоняемая каким-то неприятным предчувствием. Своей интуиции она привыкла доверять, а потому, тщательно обдумывала происходящее, пытаясь понять, откуда ждать неприятностей. Впрочем, долго гадать не пришлось. Первая же фраза отца подтвердила веру Джулии в то, что ее интуиция не ошибается.

– Дорогая, – сдержанно улыбнулся сэр Джордж, едва она вошла в кабинет. – Вот и ты. Присаживайся.

Он пристально посмотрел на нее, и Джул насторожилась. Что-то больно многозначительным взглядом окинул ее папенька. Таким он всегда оценивал у себя на фабрике качество шерсти.

– Джулия, – продолжил, между тем, сэр Джордж. – Граф Уэнсфилд только что попросил у меня твоей руки, и я дал свое согласие.

Джул неверяще посмотрела на отца. Он что? Дал согласие?! Зная, что Лиззи спит и видит себя графиней Уэнсфилд, а она, Джулия, даже не думает об этом?! Возмущение плеснулось внутри, сбilo дыхание, окрасило щеки, придало блеск глазам. Джул намеренно избегала смотреть на сидящего в кресле графа, чтобы не высказать все, что она думает по поводу его предложения.

– Я могу подумать, отец? – коротко спросила она, не позволяя негодованию вырваться наружу.

– Разумеется, мисс Фицуильям, – опередив сэра Джорджа, ответил лорд Норрей. – Разумеется.

Джул холодно посмотрела на графа и встретила с насмешливым взглядом блекло-голубых глаз. Лорд внимательно осмотрел ее с ног до головы и одобрительно кивнул. Джулии даже показалось на миг, что она заметила довольную улыбку, но, взглянув еще раз на предполагаемого жениха, поняла, что ошиблась. Граф Уэнсфилд невозмутимо смотрел на серебряный набалдашник своей трости.

– Мисс Фицуильям, я хочу услышать ваш ответ ровно через неделю, – негромко произнес лорд Норрей и поднялся со стула. – Всего доброго, сэр Джордж, – коротко попрощался он. – Мисс Фицуильям, – Джулии достался неглубокий поклон, и граф Уэнсфилд неторопливо покинул кабинет. Джулия успела заметить, что мужчина немного прихрамывает, тяжело опираясь на трость.

– Папенька, почему вы молчите? – Джул повернулась к отцу, стоило им остаться вдвоем. – Скажите же что-нибудь! Неужели вы всерьез рассматриваете это предложение?

– Сядь, Джули, – устало посмотрел на нее сэр Джордж.

Он вздохнул, развязал галстук и расстегнул верхние пуговицы сюртука.

– К сожалению, мы сейчас не в том положении, чтобы отказываться от предложения графа Уэнсфилда, – негромко сказал отец. – Фабрика переживает не лучшие времена, имение мне пришлось заложить, на выплаты процентов денег не хватает, и я даже не представляю, что буду делать в следующем месяце.

Сэр Джордж грустно взглянул на Джулию и улыбнулся какой-то жалкой, неуверенной улыбкой.

– Цветочек, – ласково обратился он к Джул, назвав ее детским прозвищем. – Постарайся меня понять. Граф согласился помочь с фабрикой, правда, взамен он потребовал тебя.

– Но почему я? Мне казалось, он уделяет внимание Лиззи, – недоумевающе посмотрела на отца Джул.

– Я тоже так думал, но все оказалось иначе, – покачал головой сэр Джордж. – Так что, Цветочек? Ты поможешь своему старому, никчемному отцу?

Джулия ничего не ответила, молча глядя в окно. Она понимала, что выхода у нее нет. Если уж папенька признался в том, что у него проблемы, значит, положение и правда безвыходное. Но как же обидно! Почему именно она? Почему не Лиз, которая так мечтала о графском титуле и богатстве?

– Маменька знает? – спустя несколько минут спросила Джул.

– О нашем бедственном положении? – Сэр Джордж бросил на нее короткий взгляд. – Нет, что ты! Ей же нельзя волноваться.

Джулия понимающе хмыкнула. Да уж, леди Агату лучше лишний раз не беспокоить. Спокойная и рассудительная обычно леди Фицуильям слишком тяжело переносила любые волнения. После недавней болезни, едва не стоившей ей жизни, доктор Уэтерби настоятельно рекомендовал сэру Джорджу обеспечить миледи полный покой, а потому, и муж, и старшая дочь старались не беспокоить леди Агату, скрывая от нее даже самые мелкие неприятности.

Джул пристально посмотрела на отца и уточнила:

– Вы уверены, что нет иного способа поправить наши дела?

– Цветочек, если бы он был, я бы не стал просить тебя принять предложение лорда Норрея, – чуть слышно ответил сэр Джордж и поднял на нее глаза, в которых так и осталось пристыженное, жалкое выражение.

Джулия не могла вынести подобного взгляда.

– Папенька, не нужно, не корите себя. Я выйду за графа. Главное, чтобы он дал вам гарантии своей помощи.

– Прости, детка, – тихо ответил сэр Джордж Фицуильям.

– Полно, папенька, – постаралась улыбнуться Джул. – Зато маменька будет счастлива. В нашей семье все-таки появится графиня.

Она усмехнулась, но тут же посерьезнела, представив реакцию Лиззи. Вот уж для кого это будет ударом...

***

Джулия не ошиблась. После того, как сэр Джордж рассказал домочадцам о предложении графа Уэнсфилда, с Элизабет случилась истерика.

– Джули, ты специально! – кричала Лиз, топая ногами. – Как ты могла?! Ненавижу тебя! Расстроенная леди Агата пыталась успокоить дочь, но та никого не хотела слушать.

– Маменька, она нарочно увела моего жениха, – навзрыд плакала Лиззи. – Мне назло! Боялась, что останется никому не нужной старой девой, а я буду графиней! А теперь?! Она будет женой графа, а я – никем?

Лиззи взвизгнула и картинно упала в обморок, вызвав переполох среди суетящейся вокруг нее прислуги.

– Мисс Элизабет, душечка, – причитала горничная Дженни, обмахивая свою госпожу. – Откройте глазки!

– Мэри, неси нюхательные соли, – нервно распорядилась леди Агата, обращаясь ко второй служанке. – Лиззи, детка, не пугай нас так, – похлопывая дочь по щекам, приговаривала леди Фицуильям. – Ну же, приди в себя, пожалей свою маменьку.

Звук скрипнувшего паркета отвлек леди Фицуильям от ее занятия.

– Сэр Джордж, а вы почему ничего не делаете? – увидев пробирающегося к дверям мужа, воскликнула леди Агата.

Тот растерянно застыл на месте, смущенно крякнул и откашлялся.

– Я, пожалуй, вызову доктора, – пробормотал он и поторопился уйти.

– Лиззи, деточка, очнись! – продолжила причитать леди Фицуильям. – Ты же знаешь, мне нельзя волноваться. Ах, Мери, это не тот флакон! – взяв из рук служанки нюхательные соли, расстроено сказала она. – Нужно было темный принести.

– Простите, миледи, – повинилась горничная. – Я сейчас поменяю.

Джулия, спокойно наблюдающая за происходящим, покачала головой и вышла из гостиной. Участвовать в представлении, устроенном Лиззи, ей не хотелось. Маменька, служанки, лакей – Элизабет вполне хватит публики и без нее.

Джул незаметно выскользнула из дома и направилась в сад.

Здесь, среди яблоневых деревьев, было удивительно спокойно. С самого детства, она привыкла приходить сюда, когда ей требовалось разобраться в себе. Вот и сейчас, прислонившись спиной к старому, искривленному стволу, она попыталась понять, как помочь отцу и что принесет ей брак с Его сиятельством.

Мысли будущей графини были невеселыми. Джулия, в отличие от маменьки и Лиззи, никогда не мечтала о титуле и богатстве. Ее вполне устраивала та жизнь, которой она жила. Простая, скромная, наполненная тихими сельскими радостями и печальми...

Джул вспоминала прошлое и задумчиво смотрела вдаль, на уходящие до самого горизонта холмы. Их зеленый бархат мягко стлался под синим небом Вуллсхеда, встречаясь с низкими облаками и сплетаясь с ними в нежных объятиях. И ей отчаянно захотелось вырваться из давящей тишины замка и прогуляться по окрестностям! А еще лучше, пробежаться по траве, и чтобы ветер дул в лицо, и в груди отчаянно билось сердце...

– Миледи, – вторгся в ее размышления расстроенный голос Клары. – Милорд велел передать, что желает видеть вас за столом и не принимает никаких отговорок.

Джулия вздохнула. Глупо было надеяться, что муж оставит ее в покое.

– Что ж, если Его сиятельству так угодно...

Она закрыла окно, отгораживаясь от своих недавних воспоминаний, и повернулась к горничной.

– Клара, принеси кремовое платье, – решительно сказала Джул. Мечты мечтами, но если она не поторопится, Уильям успеет придумать очередное изощренное наказание. – Не будем заставлять милорда ждать.

Горничная помогла ей одеться, и спустя несколько минут Джулия уже подходила к дверям столовой.

***

– Позвольте поинтересоваться, миледи, с чего это вам нездоровится? – ворчливо поинтересовался Уильям, поднимая глаза на вошедшую в комнату Джул.

– Не знаю, милорд, – спокойно ответила она. – Что-то голова немного побаливает, вероятно, к перемене погоды.

– Вздор! – негодуяше воскликнул граф. – Все бы вам выдумывать! Вы молодая, здоровая женщина, что за глупости приходят вам на ум? Погода! – Уильям сердито фыркнул и отложил в сторону вилку. – Если вам так неприятно мое общество, не стоит придумывать нелепые отговорки!

– Ну что вы, Уильям, – мягко ответила Джул, усаживаясь напротив супруга. – Как вы могли такое подумать? Я ценю проведенное с вами время, и лишь нежелание испортить вам аппетит заставило меня остаться в своих покоях.

Она примирительно улыбнулась мужу и обратилась к дворецкому:

– Боссом, принесите горячего чая.

Обычно на завтрак в Вулсхеде подавали кофе, но сегодня Джул решила изменить традициям. Муж покосился на нее, но ничего не сказал.

– Слушаюсь, миледи, – поклонился слуга и отправился выполнять распоряжение, а она взглянула на супруга и спросила:

– Уильям, как вы себя чувствуете?

– Нормально я себя чувствую, – ворчливо ответил граф. – В отличие от вас, я не жалуюсь на здоровье.

– Ну конечно, милорд, – согласилась с ним Джул, тщательно скрывая иронию. – Вы всегда великолепно держитесь. Боюсь, мне далеко до вашей силы духа, – она слегка вздохнула и посмотрела на мужа из-под ресниц.

Граф расправил плечи и ответил ей одобрительным взглядом. Что ж, мало кто оставался равнодушным к лести! Даже такие проницательные люди, как Уильям, не могли устоять перед похвалой.

– Кстати, дорогая, вечером приедет Конли, – уже более миролюбиво сказал граф. – Распорядитесь насчет ужина. Пусть Полли приготовит седло барашка и разварной картофель. Кристиан будет доволен подобным выбором.

– Хорошо, дорогой, – покладисто ответила Джул, кивком поблагодарив слугу, поставившего перед ней чашку ароматного напитка. Крепкого, насыщенного, без добавления сливок и сахара.

Джулия невозмутимо пила принесенный дворецким чай, и лишь очень внимательный наблюдатель сумел бы разглядеть в ее серых глазах тщательно скрываемое волнение. Вчерашние события не прошли для нее бесследно. Глядя на мужа, она вспоминала произошедшее накануне и готова была провалиться сквозь землю. За пять лет Джул успела привыкнуть к непредсказуемым поступкам супруга, но то, что случилось в спальне графа... Она не знала, как реагировать на слабости собственного тела и боялась даже думать о том, что еще может сделать с ней муж. Почему-то она была уверена в том, что граф преследовал своими действиями какую-то цель. Знать бы еще, какую...

Впрочем, Джулия умела держать себя в руках и не позволила ни единой эмоции отразиться на своем лице. Спокойно допив чай, она мягко посмотрела на графа и негромко поинтересовалась:

– Уильям, вы не против, если я немного прогуляюсь по парку?

– Что ж, если вы уже позавтракали, то ступайте, – неохотно разрешил супруг. – Только не забудьте распорядиться об ужине.

– Разумеется, дорогой, – ответила Джул и поднялась из-за стола.

Она торопливо вышла из столовой, предпочитая не замечать тяжелого взгляда, которым проводил ее муж.

***

Вечером, одеваясь к ужину, Джулия размышляла об ожидаемом приезде гостя. Лорд Кристиан Конли, единственный сын младшего брата графа, часто навещал своего дядюшку. Тогда, в пятьдесят восьмом, Джул даже готова была увлечься красавцем Конли. И ей казалось, что Кристиан тоже к ней равнодушен. Он приглашал ее на один танец за другим, смотрел с неподдельным интересом, расспрашивал о том, что ей нравится и что она любит и окончательно шокировал местных кумушек, надолго задержав руку Джулии после заключительного танца.

– Миледи, может быть, синее платье наденете? – прервала ее воспоминания Клара.

– Нет. У синего слишком глубокое декольте. Неси бордовое.

Граф Уэнсфилд всегда внимательно наблюдал за женой и племянником, и Джулия не хотела давать мужу повод для ревности.

Она усмехнулась, вспомнив многочисленные проверки, которые устраивал ей супруг в самом начале их брака. И подосланных им поклонников, и подстроенные встречи с великосветскими повесами... К счастью для Джул, привычная пронизательность служила ей хорошей защитой от подобных нападений. Ни один из этих подставных поклонников так и не сумел пробиться к ее сердцу и вызвать хоть какие-то эмоции.

– Миледи, вы бы поторопились, лорд Конли уже приехал, – прервала ее размышления горничная. – Билл его наверх проводил, переодеться с дороги.

– Ты права, Клара, – встрепенулась Джулия. – Нужно поспешить!

Служанка расправила складки ее платья и оглядела довольным взглядом.

– Готово, Ваше сиятельство, – доложила Клара.

Джул быстро мазнула взглядом по своему отражению и вышла из комнаты.

***

– Джулия, – Конли склонил голову в поклоне.

Тусклый свет свечей почти не рассеивал темноту холла, разглядеть лицо гостя было сложно.

Джул подошла ближе. За то время, что они не виделись, Кристиан не изменился – все тот же лондонский денди. Высокий, утонченный, красивый. Темно-синий фрак обтягивает широкие плечи, шелковый платок завязан на шее замысловатым узлом и заколот изысканной булавкой, белоснежный ворот сорочки подчеркивает гордую посадку головы, темные волосы тщательно уложены. В такого джентльмена легко можно было бы влюбиться, но сердце Джул молчало. Оно, вообще, было странным, ее сердце.

– Рада вас видеть, Кристиан, – улыбнулась Джулия. – Как добрались до Вуллсхеда? Надеюсь, дождь не сильно вас утомил?

– Дорога была сносной, – немногословно ответил Конли.

Он испытующе взглянул на Джул, и в его карих глазах отразилось пламя свечей, отчего они приобрели зловещий красноватый оттенок. Джулия насторожилась. Иногда ей казалось, что тот особенный интерес, который проявлял Кристиан там, в Уилтшире, никуда не делся. Нет, при графе Конли вел себя безупречно, но вот в его отсутствие...

– Как здоровье лорда Норрея? – поинтересовался Кристиан, беря ее под руку и направляясь к столовой.

– Не очень хорошо, – вздохнула Джулия. – Но вы же знаете Уильяма. Он не любит признаваться в собственных слабостях.

– Снова подагра?

– Да. Как только приехали в Вуллсхед, графу сразу стало хуже. Здесь ведь так сыро. Жаль, что Уильям не хочет покидать замок, – Джул задумчиво посмотрела на гостя. А ведь это шанс. Что если Конли сумеет повлиять на Уильяма? – Быть может, вам удастся уговорить графа вернуться в Лондон? – спросила она. – В городском особняке более подходящие условия, там ему было бы гораздо удобнее.

– Я попытаюсь, Джулия, – после небольшой заминки, ответил Кристиан. – Хотя, не уверен, что дядя меня послушает. Сами знаете, какой он упрямый.

Это да. Упрямый. Порой Джул казалось, что Уильям и существует-то на одном упрямстве, не сдаваясь болезням и старости.

Конли снова бросил на нее внимательный взгляд.

– Джулия, а как вы? С вами все в порядке?

Голос Кристиана зазвучал мягче, в нем появились бархатистые нотки.

– Разумеется, – усмехнулась она.

– И вас ничего не беспокоит?

– Ничего, кроме здоровья графа, – не желая поддаваться обаянию гостя, спокойно ответила Джул и вернулась к тому, что интересовало ее больше всего: – Вы ведь поговорите с Уильямом?

– Попробую.

Конли едва заметно нахмурился.

– Я на вас надеюсь, Кристиан, – улыбнулась Джул, кивнув слуге.

Тот торопливо распахнул двери столовой.

– Ну, наконец-то, – ворчливо заметил сидящий во главе стола граф. – Джули, вы сегодня на редкость медлительны. Разве можно так долго собираться? Что подумает о вас Кристиан? Неужели вы не рады нашему гостю и решили уморить его голодом?

– Дорогой, как я могу не радоваться приезду Кристиана? – мягко ответила Джул и коснулась руки графа. – Разумеется, я просто счастлива его видеть.

Она благодарно улыбнулась слуге, отодвинувшему для нее стул.

– Боссом, пора подавать ужин, – распорядился граф, дождавшись, пока Джулия займет свое место. – Кристиан, у нас сегодня твое любимое блюдо. Надеюсь, ты оценишь его по достоинству. Баранину доставили прямиком из Дартмура.

Уильям довольно улыбнулся и взглянул на племянника с едва заметным превосходством.

– Дартмур? Ну, не знаю, – протянул Конли. – На днях у нас в клубе подавали каре ягненка, вкус был просто замечательным. Между прочим, хемпширские поставки.

– Подожди, – азартно перебил его лорд Норрей. – Через несколько минут ты согласишься, что дартмурская баранина – самая лучшая!

– Посмотрим, – неопределенно ответил Конли, но Джул увидела насмешливый блеск его глаз и поняла, что Кристиан специально подначивает графа.

– Боссом! – нетерпеливо позвал лорд Норрей.

– Да, милорд.

Дворецкий моментально возник в дверях столовой. За ним торжественно вышагивал лакей, неся на вытянутых руках большое блюдо с пресловутой бараниной. Резкий аромат мяса и специй поплыл по комнате.

– Во-от, чувствуешь? – довольно улыбнулся граф, повернувшись к племяннику. – А ты говоришь... Какой запах! А вид?! Да разве сравнится с хемпширским?!

Уильям предвкушающе улыбнулся и жестом поторопил лакея.

– А? Каково? – спросил он, попробовав мясо.

– Недурственно, – кивнул Конли.

– А картофель, а травы?! Да ты ешь, не отвлекайся, – добродушно добавил граф. – Вряд ли твоя Бесси сумеет приготовить это блюдо лучше, чем наша Полли.

Он усмехнулся и подмигнул Кристиану. Конли что-то ответил, а Джул задумчиво покосилась на мужа. Граф был непривычно благодушен. Он даже не сделал ей ни одного замечания, несмотря на то, что она почти не прикоснулась к расхваливаемому блюду. И с удовольствием слушал Кристиана, рассказывающего светские новости, хотя обычно терпеть не мог все эти, как он выражался, «глупые сплетни». Просто удивительно!

***

Норрей наблюдал за женой. Много можно увидеть, когда смотришь вот так, из-под полу-прикрытых век. И яркий румянец на нежных щеках, и сдерживаемое волнение, и короткие взгляды, которые жена бросает на его племянника. В этих взглядах нет страсти, но интерес... Интерес есть. В груди заворочалось то тяжелое, неудобное чувство, которое пришло в его жизнь вместе с этой девочкой. Вот уже пять лет оно подтачивало несгибаемую прежде волю, размягчало давно очерствевшую душу, мучило и лишало покоя. Нет, он не собирался сдаваться и отступить. Уэнсфилды никогда не меняют своих решений. Но сожаление и ревность – два злобных пса, жадно грызущих внутренности, не желали оставлять его в покое. Если бы можно было избавиться от них! Что в ней такого особенного? Чем эта юная и неискушенная девочка отличается от всех тех женщин, которых он знал? Почему он не может не смотреть на нее? Ругает себя, отыгрывается на ней, но все равно не в силах отослать девчонку подальше. Как же быстротечно время... Когда-то ему казалось, что час расплаты так далек! А не успел оглянуться, как жизнь осталась позади. Он, всемогущий граф Уэнсфилд, больше не может пользоваться отпущенным ему кредитом.

Взгляд его не отрывался от жены. Джулия с интересом слушала рассказ Криса о литературных новинках. За грудиной снова возникло противное давящее ощущение – привычное, но от того не менее неприятное. Вспомнились слова Джонаса. «Не больше трех лет, Ваше сиятельство, – зазвучал в голове дрожащий голос доктора. – Очень изношенное сердце». Что ж, он прожил дольше. И, даст Бог, проживет еще.

– Дорогая, ты не против, если мы с Кристианом тебя покинем? – спросил Норрей. Ему не хватило сил изображать радушного хозяина. Хотелось поговорить с племянником, дать ему инструкции. Кто знает, как скоро придется платить по счетам? Костлявая не ждет, а он должен быть уверен, что все сделал правильно. – Нам нужно кое-что обсудить.

Джулия посмотрела на него, и в глазах ее он заметил облегчение. Что ж, он знал, как тяжело дается жене роль невозмутимой графини Уэнсфилд.

– Разумеется, дорогой, – кивнула Джул, поднимаясь из-за стола. – Приятного вечера, господа, – улыбнулась она, направляясь к дверям.

***

Джулия вышла из столовой, не придав значения взглядам, которыми проводили ее граф и Конли.

Она привыкла к тому, что визиты Кристиана всегда заканчиваются одинаково – дядя и племянник надолго уединяются в кабинете и расходятся далеко за полночь.

Оказавшись в своей спальне, она устало опустила в кресло и прикрыла глаза. Что ни говори, а ей тяжело давалась всегдашняя невозмутимость. В приезды Конли Джулии приходилось особенно тщательно контролировать себя. Чуть более теплая улыбка, адресованная Кри-

стиану, или искра заинтересованности, мелькнувшая во взгляде, – и все, изошренное наказание от мужа обеспечено.

Джул со вздохом поднялась с кресла и подошла к трюмо. В его темной глади отразилась миловидная девушка с грустным взглядом серо-зеленых глаз. Колеблющееся пламя свечей придавало им особую глубину и блеск, а тусклое старинное зеркало окутывало фигуру ореолом таинственности. Казалось, в его недрах живет совсем другая Джул – яркая, смелая, независимая.

Джулия улыбнулась – и незнакомка ответила ей загадочной улыбкой; провела рукой по волосам – и девушка в зеркале сделала то же самое, только с небольшим опозданием.

Чудеса!

– Эй! – тихо позвала Джул.

Губы двойника шевельнулись.

«Глупости какие! – рассердилась Джулия. – Далось мне это зеркало?».

Она фыркнула и принялась вытаскивать из прически шпильки. Одна, вторая, третья... Заколки с тихим звоном падали на дубовую полку трюмо, а рыжие пряди, освобождаемые из их плена, укрывали незнакомку в отражении густым золотым облаком.

«Красиво, – вынуждена была признать Джул. – Даже очень».

Она не была тщеславной и легко относилась к собственной внешности, но сегодня все выглядело чуточку иначе, и самые обычные вещи казались особенными.

Наверное, это луна виновата. Вон, какой свет яркий. Даже свеча не нужна.

Джул взяла щетку и легко провела ею по распущенным волосам. Раз, другой... Ей нравилось это ежевечернее действие. Неторопливые движения рук, их нарочитая неспешность, блеск послушных взмахам расчески прядей – привычный ритуал дарил ощущение незыблемой стабильности.

Неожиданно Джул замерла.

– Это еще что? – прошептала она.

Всего на мгновение ей показалось, что в глубине массивной рамы мелькнула какая-то тень. Мужское лицо, яркие глаза... Джулия опустила щетку и стремительно обернулась, но в комнате никого, кроме нее, не было. Чудеса... Нет, точно луна виновата! В такие ночи вечно что-то мерещится.

Джул заплела свободную косу и внимательно взгляделась в отражение. Да нет, все как обычно.

Правда, волнение, легко угадываемое во взгляде, ей не понравилось. Глубоко вздохнув и приказав себе успокоиться, она удовлетворенно улыбнулась – совсем другое дело! Ровное, безмятежное выражение лица пристало графине Уэнсфилд гораздо больше.

Она плотнее запахнула шаль, надела мягкие домашние туфли и выскользнула из комнаты.

В узком коридоре было темно и тихо. Очень тихо. Ни скрипа половиц, ни доносящегося из комнат треска догорающих поленьев, ни шагов прислуги. Казалось, старый замок затаился и ждет. Наблюдает. Шпионит.

Джул передернула плечами, подняла свечу повыше и пошла к лестнице. Не к широкой парадной, что выходила в холл, а к узкой обходной, которой пользовались слуги. Миновав пару пролетов, она свернула налево и направилась к библиотеке. Конли привез несколько новых книг, одну из которых нещадно ругали критики... Вот ее она и собиралась почитать.

Рядом с кабинетом графа темный коридор пересекала яркая полоса света, а из-за неплотно прикрытой двери доносились приглушенные голоса. Джул невольно замедлила шаг. Нет, она не собиралась подслушивать, оно как-то само собой получилось.

– Джулия точно ни о чем не догадывается? – послышался низкий голос Конли.

Раздалось звяканье стекла и негромкий кашель графа.

– Откуда? – голос Уильяма звучал надтреснуто. В нем больше не было ни капли благодушия, одна только усталость. – Это же Джули. Чистая, правильная Джули, верящая в добро и справедливость. Плесни мне тоже вина, – обратился граф к племяннику.

Джулия затаила дыхание. Теперь-то она точно не собиралась уходить, пока не поймет, о чем идет речь.

– Я бы лучше выпил бренди, – задумчиво протянул Конли. – Но вы уверены, что рассчитали все правильно, дядюшка? – после небольшой паузы переспросил он.

– Поверь мне, Крис, – тихо ответил лорд Норрей. – Джулия идеально подходит на эту роль. Они ни за что не откажутся. Я бы на их месте точно не отказался.

Джул насторожилась. Откуда в словах Уильяма столько горечи? О чем он говорит? И почему так тревожно сжимается сердце?

– Но ведь она не является урожденной графиней Уэнсфилд. Вы не боитесь, что наши... э-э... друзья... сочтут это оскорблением?

– Успокойся, я знаю, что делаю, – голос мужа звучал хрипло, словно графу не хватало воздуха. – Все уже подготовлено...

Неожиданно лорд Норрей закашлялся, и Джул, испуганно вздрогнув, отпрянула от двери. Попятившись, она осторожно отошла от кабинета и направилась к библиотеке, стараясь шагать как можно тише. Подслушанный разговор ее встревожил. О чем говорил Уильям? Что он задумал? В душе шевельнулось нехорошее предчувствие. Джулия нахмурилась, пытаясь сообразить, что значили слова мужа. На какую роль она подходит? И что за таинственные «они», которые не смогут от чего-то там отказаться? Если бы не опасение, что лорд Норрей пошлет слугу за бренди и обнаружит ее присутствие, она ни за что не сдвинулась бы с места, пока не поняла бы, о чем говорили мужчины.

Дойдя до библиотеки и захватив со столика новомодный роман, Джулия незаметно вернулась в свою комнату. Сердце ее стучало взволнованно. Как узнать, что задумал Уильям? О чем говорил с Кристианом? Быть может, речь шла о каких-то безобидных пустяках? А она переполошилась и со страху напридумывала всяких глупостей. Или нет?

Она попыталась успокоиться, но тревожное сомнение, поселившееся внутри, не отпускало. Слова мужа не шли у нее из головы, заставляя переиначивать их так и эдак, искать смысл в непонятных фразах и зловещих, как ей казалось, интонациях. И ведь не спросишь у супруга, что он имел в виду. Не признаваться же в том, что она подслушивала? И Конли ничего не скажет, можно не сомневаться.

Джул переступила порог спальни, закрыла за собой дверь и прислонилась к стене. На душе было тревожно. «Наши друзья...» – вспомнила она слова Конли. Знать бы, о ком он говорил...

Она переделалась в ночную рубашку и, зябко передернув плечами, скользнула в постель. Умница Клара позаботилась о своей хозяйке, положив в изножье кровати горячую грелку. Как же кстати! Может, хоть это прогонит заползающий в душу холод? Джул бросила взгляд на тускло поблескивающее трюмо. Машинально, скорее, по привычке. А потом подоткнула одеяло, устроилась в постели и попыталась погрузиться в историю страстной любви Хитклиффа и Кэтрин, но мысли ее то и дело возвращались к подслушанному разговору. Что же задумал Уильям? Какие испытания ждут ее впереди?

Джулия отложила книгу и устало вздохнула. «Ладно, – решила она. – Хватит мучиться. Рано или поздно все станет понятно».

***

Утром Клара передала, что лорд Норрей с племянником уехали в Лондон.

– Уж так торопились, Ваше сиятельство, – помогая Джулии одеться, рассказывала горничная. – Даже от завтрака отказались.

– А граф не говорил, когда вернется? – задумчиво глядя на Клару, спросила Джул.

– Нет, миледи, – покачала головой девушка. – Но милорд оставил вам записку. Она в библиотеке.

Джулия кивнула. Что ж, иногда Уильям отпраплялся по делам, видимо, и в этот раз решил воспользоваться приездом Кристиана и вместе с ним наведаться в город. Интересно, как надолго уехал граф?

Она позавтракала, дала указания экономке и прошла в библиотеку. На небольшом столике, как и говорила Клара, обнаружилась сложенная пополам записка, в которой граф уведомлял жену о том, что на неделю уезжает в Лондон.

«Моя дорогая Джулия, – писал Уильям. – Дела вынуждают меня Вас покинуть, но я надеюсь вернуться как можно скорее. Думаю, к концу следующей недели я уже буду дома и смогу вновь наслаждаться Вашим прекрасным обществом. Постарайтесь не скучать в мое отсутствие и ведите себя благоразумно. Не забывайте надевать на прогулки теплую шаль. Надеюсь по прибытии застать Вас в добром здравии. Остаюсь любящий Вас Уильям Дэвид Норрей, граф Уэнсфилд».

Джул дочитала записку и улыбнулась. Поистине, Уильям сделал ей подарок! Несколько дней тишины и свободы! Ни долгих, томительных ужинов, ни раздраженного брюзжания, ни постоянного контроля. Боже, какое счастье!

Она смяла записку и быстрым шагом покинула библиотеку.

– Клара, достань мою теплую шаль, – весело приказала горничной, торопливо входя в свою спальню. – Я иду на прогулку.

– Миледи, так ведь прохладно нынче, – попыталась образумить ее служанка.

– Не более чем всегда, – легкомысленно отмахнулась от ее слов Джулия.

Клара неодобрительно покачала головой, но не рискнула спорить. Молча принесла теплую шерстяную шаль и накинула ей на плечи, а потом отступила на шаг и окинула Джулию придирчивым взглядом.

– Ох, миледи, сдастся мне, что вы похудели, – озабоченно произнесла она, нахмутив светлые брови. – Да и то, едите, как птичка. Скоро совсем истаеете.

– Перестань, Клара, – поморщилась Джулия. – Все ты выдумываешь. Я прекрасно себя чувствую.

Она поплотнее запахнула шаль и пошла к выходу, а горничная расстроено посмотрела ей вслед.

– Как же, прекрасно... – тихо проворчала Клара. – Чуть ветерок посильнее подует, так и унесет.

А Джул, выйдя за ворота замка, направилась по узкой тропинке, убегающей к виднеющимся вдали холмам. Свежий ветер трепал полы платья, теребил ленты небольшой шляпки, захватывал в плен выбившиеся из прически пряди и ласково скользил по лицу, словно зазывая за собой. Туда, где нет нелюбимого мужа и его слуг, туда, где остро пахнет свободой, а тяжелые стены Вуллсхеда кажутся просто дурным сном.

Домой она вернулась ближе к вечеру, когда солнце опустилось за мрачные башни замка. Слуги встретили ее удивленными взглядами. Ну да, не привыкли они видеть хозяйку такой оживленной.

– Велите подавать ужин, миледи? – неодобрительно поджав губы, поинтересовался у нее Боссом.

– Да, через полчаса, – кивнула ему Джулия и добавила уже чуть строже, ставя дворецкого на место: – И растопите камин в библиотеке, я собираюсь немного почитать.

Джул решила, что, пока мужа нет дома, ей не стоит сидеть по вечерам в гостиной. Та слишком давила на нее своей мрачной обстановкой. Гораздо уютнее Джулия чувствовала себя в заставленной книгами библиотеке. Удобные кожаные диваны, вышитые подушки, легкий аромат табака, витающий в воздухе, – Джулии нравилось убранство этой комнаты. Оно навевало приятные мысли и позволяло на время забыть о жизни за пределами книжного царства.

Она покинула уютное пристанище лишь поздно ночью. Погруженная в мысли о нелегкой доле взбалмошной Кэтрин и о безумии несчастного влюбленного Хитклиффа Джулия отправилась в свои покои. Все в замке давно спали, и Джул, идя по пустынным коридорам Вуллсхеда, старалась ступать как можно тише, однако гулкое эхо ее шагов отчетливо разносилось по безлюдным переходам замка. Тонкая свеча, которую она захватила из библиотеки, почти не рассеивала темноту, и Джулии приходилось пристально смотреть под ноги. Поднявшись по лестнице, она уже собиралась свернуть к своим покоям, но тут ее внимание привлекли странные отблески света. Джул показалось, что кто-то оставил горящую свечу в портретной комнате. Неужели слуги забыли? Она заглянула в приоткрытую дверь и удивленно обвела глазами темное помещение, на стенах которого висели многочисленные портреты былых обитателей Вуллсхеда. Порой Джулии казалось, что их слишком много даже для такого большого замка. Изображения лордов и леди Норрей были повсюду – в коридоре второго этажа и в гостиной, в кабинете графа и в оружейной. А еще и в этом зале, отведенном для хранения старых картин. С его стен на нее надменно взирали предки Уильяма. И именно на одном из портретов и плясали отблески того самого света, что привлек ее внимание.

Джул подошла ближе.

Молодой, красивый мужчина, с суровым взглядом холодных синих глаз, смотрел на нее с холста, на котором трепетали блики, похожие на отсветы пламени свечи. Однако никакой свечи, кроме той, что принесла с собой Джул, рядом не было, что не мешало желтоватым пятнам дрожать на потрескавшемся от времени полотне.

Джулия неподвижно стояла у портрета, завороченно наблюдая за передвижениями огненных бликов. Вот они коснулись волос мужчины, заставив их вспыхнуть ярким золотом, потом двинулись ниже, выхватывая из темноты ровные стрелы бровей, и неожиданно замерли, остановившись на презрительно прищуренных глазах незнакомца. «Эдриан Клиффорд Норрей, граф Уэнсфилд – удалось разобрать Джул надпись в нижнем правом углу портрета, – тысяча семьсот пятьдесят девятый год».

Она поставила свечу на пол и принялась внимательно разглядывать изображение.

– Выходит, это прадед Уильяма, – задумчиво пробормотала Джулия. – Или пра-прадед? Удивительно! Графа давно уже нет, а на портрете он словно живой. Интересно, откуда взялись эти блики на его лице?

Она осторожно дотронулась до светлого пятна, остановившегося на щеке мужчины, и вздрогнула, ощутив под пальцами теплую, живую кожу. Испуганно вскрикнув, она отдернула руку и бросилась к двери, но та резко захлопнулась прямо перед ней, и Джулия с ужасом услышала звук поворачиваемого в замке ключа.

Она с силой дернула ручку, но дверь и не думала открываться. Крепкое дубовое полотно надежно защищало выход. Джул отчаянно ударила по нему рукой.

– Да что же это такое?! Что происходит? Кто-нибудь, выпустите меня! – крикнула она, но отклика на свои слова не услышала. – Если это шутка, то совершенно не смешная! – громко заявила Джулия. – Эй! Немедленно откройте!

Она еще долго колотила по злосчастной двери, но никто не спешил к ней на помощь. Отчаявшись, Джулия перестала стучать и повернулась к портрету.

– Надеюсь, ты доволен? – рассерженно спросила она и застыла, увидев, что полотно, на котором был изображен Эдриан Клиффорд Норрей, второй граф Уэнсфилд, опустело. Огромная рама была на месте, все так же сверкая своей позолоченной резьбой, а холст, всего

несколько минут назад сиявший загадочным светом, оказался темен и девственно чист. Не было ни холодного прищура синих глаз, ни мастерски запечатленной усмешки, ни светлой волны волос. Каким-то таинственным образом, обитатель портрета неожиданно исчез.

Джул протерла глаза, отказываясь верить происходящему, закрыла их, потом снова открыла, но ничего не изменилось – пустой холст, заключенный в богатую раму, по-прежнему, висел на стене, окруженный десятками изображений графских предков.

– Не может быть, – испуганно прошептала Джулия. – Этого просто не может быть! Сейчас я проснусь в своей постели и окажется, что все это сон... Всего лишь нелепый, ужасный сон.

Она плотно закрыла лицо руками. «Нет, я не безумна! Я же видела! Видела...» – тихо бормотала она. Джул казалось, что если не смотреть на злосчастный портрет, то все снова встанет на свои места. Она неподвижно застыла подле двери, боясь пошевелиться. В душе ее боролись страх и неверие в происходящее. Может, она сошла с ума? Разве способен мужчина с портрета ожить и покинуть холст?

Внезапно Джулия почувствовала, как чьи-то руки легко коснулись ее плеч, скользнули по груди и опустились на талию, сжимая в кольце объятия. Прерывисто вздохнув, Джул открыла глаза, испуганно вскрикнула и... лишилась чувств.

***

Эдриан задумчиво смотрел на свалившуюся прямо в его руки девушку. Красивая. Еще красивее, чем ему казалось. Нежная кожа точно светится изнутри, длинные ресницы еле заметно трепещут, пухлые губы приоткрылись, словно в ожидании поцелуя. И эти волосы – мягкие, золотистые, похожие на ильскую пряжу. Как давно он мечтал к ним прикоснуться...

Нет, лучше не думать об этом.

Он нахмурился. Лучше думать о том, как все исправить. Если узнают, что он... Нет, никто не узнает. Разве хоть кому-то есть до него дело? Столько лет забвения, вряд ли Совету придет в голову поинтересоваться, как он проводит время. Но это все неважно. Надо решить, что делать с девушкой. Оставить здесь?

Риан обвел взглядом темную комнату, перевел его на свою легкую ношу и покачал головой. Нельзя. Заболеет еще, вон она какая хрупкая, почти ничего не весит.

Он отвел с лица графини непокорный локон, жадно разглядывая красивое, с тонкими чертами лицо. Слишком впечатлительная. Впечатлительная и на редкость хорошенькая. Трудно же ей придется, если сделка все-таки состоится...

Он с неприязнью взглянул на портрет Сэмиуса и представил, что будет, когда исполнятся сроки. В душе шевельнулась тоска. Ракх! Хватит. Нужно отнести девчонку в спальню, и заняться делом. И так столько времени потерял.

А приоткрытые губы блестели спелой черешней, манили, будили в душе и теле мучительную жажду. И Эдриан не удержался. Наклонился и коснулся их своими...

***

Робкие солнечные лучи скользили по лицу, плясали на стенах, разливались на полу светлыми лужами. Джулия открыла глаза и обвела взглядом привычную обстановку. А потом вспомнила вчершнее происшествие и невольно поморщилась. Неужели ей все просто привиделось? И не было никаких таинственных бликов на портрете Эдриана Норрея, и его изображение никуда не исчезало. И крепкое мужское объятие ей только почудилось. И глаза, так яростно глядящие на нее – всего лишь игра больного воображения...

– Доброе утро, миледи!

Дверь распахнулась, впустив в комнату улыбающуюся Клару. Горничная выглядела как всегда: жизнерадостная, румяная, пышущая здоровьем.

– Как спалось, миледи? – спросила служанка, раздвигая шторы.

– Хорошо, – машинально отозвалась Джул, рассеянно наблюдая за ее ловкими движениями. – А ты ничего не слышала прошлой ночью?

– Нет, миледи. А что?

– Мне показалось, кто-то звал на помощь, – пристально глядя на девушку, сказала Джулия.

– Что вы, Ваше сиятельство! Это вам послышалось что-то. Читаете романы допоздна, вот потом и мерещится всякое, – убежденно ответила служанка.

Клара иногда позволяла себе вольности, но Джул на нее не сердилась. Привезенная из Лонгберри горничная была предана ей всей душой и готова была выполнить любую просьбу. Наверное, именно поэтому граф с первого дня так сильно невзлюбил служанку жены.

– Может, ветер в каминах выл, вот вам и показалось, – расправляя на кресле утреннее платье, бормотала горничная.

– Все может быть, – задумчиво кивнула Джулия и неожиданно насторожилась. – А что там внизу за шум? Или мне снова кажется?

– Да нет, вроде, кто-то кричит, – прислушавшись, ответила горничная.

– Пойди узнай, что случилось, – приказала Джул.

– Слушаюсь, миледи.

Клара торопливо выбежала из комнаты, а Джулия поднялась с постели и подошла к окну. Внизу, у парадного, стояла карета.

Джул почувствовала, как тревожно забилось сердце.

Дурные предчувствия, преследующие ее с того самого вечера, как она подслушала разговор мужа с Кристианом, с новой силой всколыхнулись в душе. Что-то случилось, она ощущала это совершенно отчетливо. Что-то очень плохое.

– Миледи!

Клара влетела в комнату и остановилась рядом с Джулией, пытаясь отдышаться.

– Ох, миледи...

– Что там?

– Милорд...

Горничная замолчала, растерянно уставившись на Джул.

– Что, Клара? Что – милорд? Говори!

– Он умер, миледи! – выпалила горничная и испуганно прикрыла ладонью рот.

– Умер? – переспросила Джул.

Это слово, произнесенное вслух, заставило ее прислушаться к себе. Что она чувствует? Печаль? Страх? Или... освобождение? Нельзя, конечно, радоваться чьей-то смерти, Джул и не радовалась, она просто ощутила себя удивительно живой и свободной. Словно кто-то разрезал путы, стягивающие душу, и выпустил ее на волю.

– Умер, – снова повторила Джулия, а потом, выйдя из ступора, торопливо перекрестилась. – Клара, помоги мне одеться!

– Слушаюсь, миледи.

Горничная принесла темно-синее платье.

– Ох, миледи, у вас же ничего траурного нет. Теперь придется все наряды перекрашивать.

– Это неважно, – отмахнулась Джул. – Приведи в порядок то платье, которое я надевала на похороны тети Джейн. Нужно узнать, когда привезут тело.

Говорить так про Уильяма было непривычно. Надо же! Властного, всесильного графа Уэнсфилда больше нет. Есть лишь его останки.

– Боссом сказал, Его сиятельство в Лондоне похоронят, – заявила Клара.

– Да? Странно. А почему не здесь?

– Вот и Молли говорит – странно. Испокон веков всех господ в старом склепе хоронили.

– Ладно. Приедем в Лондон – узнаем.

– Ох, миледи, а для столицы платье-то и не годится. Оно ведь старое! А там столько народу, и все-то на вас смотреть будут! – всполошилась Клара. – Как же вы в этих обносках?

– Ничего. До Лондона как-нибудь доеду, а там уже закажу что-то более подходящее.

Джулия решительно оглядела себя в зеркале. Глаза блестят, на щеках горит лихорадочный румянец, губы плотно сжаты. Нет, никуда не годится!

Она глубоко вздохнула, стараясь добиться привычной невозмутимости, и приказала себе успокоиться.

Спустя пару минут отражение показало обычную Джул – спокойную, отстраненную, холодную. «Уильям был бы мною доволен» – мелькнула невольная мысль.

– Клара, собери все необходимое. Через час мы выезжаем, — распорядилась Джул.

– Слушаюсь, миледи.

Горничная кинулась укладывать вещи, а Джулия вышла из комнаты и спустилась вниз.

Слуги, во главе с дворецким, толпились в холле.

– Ваше сиятельство, – Боссом, забыв о своей привычной невозмутимости, кинулся к ней. – Горе какое! Милорд...

На глазах у старого слуги выступили слезы.

Джул почувствовала в горле комок. Ей стало жаль дворецкого. Боссом провел рядом с лордом Норреем больше тридцати лет и был к нему очень привязан.

– Кто приехал? – справившись с собой, спросила она.

– Мистер Пиберли, миледи. Лорд Конли прислал его сообщить о смерти милорда.

– Где сейчас мистер Пиберли?

– В гостиной, миледи.

– А почему вы все здесь?

Джулия внимательно оглядела слуг.

– Вам нечем заняться? Мэри, предложи мистеру Пиберли чай. Полли, обед на кухне сам собой готовится?

– Простите, миледи, – покраснела кухарка.

– Милорд умер, но это не повод ничего не делать, – резко сказала Джул.

Прислуга пристыжено потупилась.

– Слышали, что сказала миледи? – засуетился дворецкий. – Разошлись все!

Слуги мгновенно исчезли из холла.

– Боссом, вели Аткинсу закладывать карету, – приказала Джулия.

– Слушаюсь, миледи, – отозвался дворецкий, украдкой утерев глаза.

Джул ободряюще кивнула слуге и направилась в гостиную.

Комната, так любимая Уильямом, выглядела темной и осиротевшей. Тяжелые бордовые портьеры уныло обвисли, мебель красного дерева поблескивала траурно и печально, и даже алые розы на ковре поблекли.

– Миледи, примите мои соболезнования.

Мистер Пиберли, невысокий, шупленький, суетливо поднялся с дивана и поклонился.

– Здравствуйте, мистер Пиберли, – сдержанно произнесла Джул. – Расскажите мне, что произошло? Лорд Норрей уезжал из Вуллсхеда в добром здравии. Что случилось с ним в Лондоне?

– Ах, миледи, – скорбно вздохнул поверенный. – Еще вчера мы с Его сиятельством обсуждали покупку фабрики, и милорд выглядел совершенно здоровым. А ночью ему неожиданно стало плохо, и он скоропостижно скончался. Доктор Уорвик говорит, что у Его сиятельства просто внезапно остановилось сердце.

– Это ужасно, – вздохнула Джул. Она приложила к сухим глазам платочек и тихо всхлипнула.

Ничего не поделаешь! Что бы она ни чувствовала на самом деле, а формальности должны быть соблюдены.

– О, миледи, не мучайте себя!

Мистер Пиберли смущенно потупился, нервно потер руки и вскинул на Джул обеспокоенный взгляд.

– Лорд Конли взял на себя все хлопоты, связанные с похоронами. Он велел передать, что будет ждать вас в Лондоне.

– О, лорд Конли очень добр, – снова всхлипнула Джул.

– Миледи, чай для мистера Пиберли, – возник на пороге дворецкий.

Джулия махнула рукой, и Боссом поставил на столик небольшой поднос.

– Подкрепитесь, мистер Пиберли, – негромко сказала Джул. – Надеюсь, вы извините, если я вас покину?

– Разумеется, миледи, – торопливо ответил поверенный.

Он нервно потоптался на месте, а Джул, кивнув, снова приложила платок к глазам и покинула гостиную.

– Боссом, карета готова?

Джулия вопросительно посмотрела на дворецкого.

– Да, миледи.

– Распорядитесь погрузить в нее мои вещи. И проследите, чтобы мистера Пиберли накормили обедом.

– Слушаюсь, миледи.

Джулия смяла в руках платок, окинула пристальным взглядом мрачный холл старого замка и решительно направилась к лестнице.

«Прощай, сырая темница! – мысленно произнесла она. – Надеюсь, мне больше не придется переступать твой древний порог!».

Спустя час экипаж выехал за ворота Вуллсхеда. Дорога до столицы предстояла долгая.

Джул рассеянно смотрела в окно, на проплывающие мимо холмы и мирно пасущихся овец, но мысли ее были далеки от пасторальных красот. Она напряженно размышляла о том, что будет дальше. Если верить последнему завещанию графа, с его смертью она стала очень состоятельной женщиной. Нет, с оговорками, конечно, но это не важно. Главное, что теперь она вправе сама распоряжаться своей жизнью. И, может быть, когда-нибудь сбудется ее мечта о настоящей семье, о детях, о любящем муже.

Джул представила небольшой уютный дом, теплый свет очага, ветки омелы, румяных малышей, распевających псалмы. И аромат корицы, и огонь рождественской свечи... И взгляд синих глаз, наполненный любовью и заботой. И крепкие руки, в объятиях которых ничего не страшно.

Она мечтательно вздохнула, но тут же покачала головой. Вон, сколько всего сочинила! Не успела похоронить одного мужа, а уже о другом думает. «Постыдись, Джули, – укорила она себя. – Это совершенно неприлично». Правда, одна только мысль о том, что Уильяма больше нет, и ей не придется больше унижаться и выслушивать долгие нотации о бережливости и разумном ведении хозяйства, заставляла сердце Джул забиться быстрее. К чему угрызения совести? К чему глупое лицемерие? Она свободна, и это чудесно!

Осталось только выдержать несколько дней в обществе родственниц Уильяма, а потом она уедет в Вестерфилд-парк, и забудет и о покойном муже, и об унылых годах своего брака.

Джулия повеселела. Да. Именно так она и сделает. Переедет поближе к родителям и будет наслаждаться простой, неспешной деревенской жизнью. А там, кто знает? Может, судьба и подарит ей все то, о чем она мечтала?

Глава 4

Графа похоронили на Кенсальском кладбище, неподалеку от могилы герцога Сассекского. Новый склеп выглядел основательным и помпезным. Белый мрамор, плачущие ангелы, массивные колонны, увитые живым плющом – все говорило о богатстве и высоком положении лорда Норрея.

Джул признала, что такое последнее пристанище подходит графу гораздо больше, нежели старый фамильный склеп на деревенском кладбище в Вуллсхеде. Наверное, Уильям это понимал. Как бы трепетно ни относился он к предкам, но собственное самомнение оказалось важнее. И ведь молчал! Ни словом не обмолвился. Джулия задумчиво посмотрела на тяжелую мраморную плиту с выбитой на ней длинной витиеватой надписью. «Уильям Дэвид Норрей, граф Уэнсфилд»... Интересно, каких еще неожиданностей ей ждать?

А поток желающих высказать свои соболезнования все не заканчивался.

– Крепитесь, дорогая...

– Невосполнимая утрата...

– Такая ужасная потеря! Скорбим вместе с вами...

Джулия печально кивала, не отнимая от глаз сухой платок. Хорошо, что Конли взял на себя все заботы, и ей только и оставалось, что изображать безутешную вдову и выслушивать неискренние речи.

К ней подходили, сочувствовали, желали сил и крепости, а она ждала, пока все рассядутся по каретам и отбудут в особняк. На душе было пасмурно. Не любила Джул все эти траурные церемонии, безликие слова утешения, торжественные и скорбные физиономии, жадные взгляды зевак.

– Лорд Норрей был великим человеком...

– Невосполнимая утрата...

– Он был еще так молод...

Последняя фраза принадлежала старому лорду Смоллтону, благополучно перевалившему за девяностолетний рубеж.

– Да, вы правы, – машинально отвечала всем Джулия.

Ноги в тонких ботиках давно уже замерзли, но она продолжала стоять неподвижно, отдавая последний долг усопшему мужу и до конца играя роль безутешной вдовы. Наверное, даже Уильям, с его вечным недовольством, не смог бы сейчас к ней придраться.

Наконец, очередь из желающих выразить ей свое сочувствие иссякла, и Конли помог Джул сесть в карету.

– Крепитесь, Джули, – шепнул он. – Скоро все закончится.

Она благодарно кивнула.

После поминального обеда, когда все посторонние покинули особняк, Кристиан отвел ее в сторону и тихо сказал:

– Джулия, я понимаю, что сейчас не самое подходящее время, но дядя хотел, чтобы завещание было вскрыто сразу после его похорон. Я пригласил стряпчего, он сейчас в кабинете. Вы в состоянии выслушать последнюю волю лорда Норрея?

В состоянии ли она? Еще бы!

– Ах, Кристиан.

Джул грустно посмотрела на Конли и приложила к глазам платок.

– Если так хотел Уильям...

– Не плачьте, Джули, – проникновенно произнес Конли.

Он одарил Джул сочувственным взглядом и взял ее под руку. Тепло его ладони было приятным и ободряющим, а голос – нежным, совсем как тогда, в Уилтшире, и Джулия насто- рожилась. Неужели племяннику графа снова от нее что-то нужно?

– Позвольте, я вас провожу.

– Спасибо, Кристиан. Вы очень добры, – вздохнула она, внимательно взглянув на собе- седника из-под ресниц.

Конли выглядел почти как обычно. То же красивое породистое лицо, те же сверкающие темные глаза. Только вот блестели они как-то по-особенному ярко. И это насторожило Джул еще больше. Вспомнился подслушанный разговор, непонятные фразы, горечь в голосе графа, и на сердце стало тревожно. Какие еще испытания приготовил ей Уильям?

– Поторопимся, Джули, – многозначительно, как ей показалось, сказал Конли, и она очнулась от ступора.

В кабинете их уже ждал мистер Бинглоу.

– Еще раз примите мои соболезнования, миледи, – коротко поклонился он.

Стряпчий выглядел привычно деловым и услужливым.

– Спасибо, мистер Бинглоу, – тихо ответила Джул.

Роль безутешной вдовы успела ей изрядно надоесть, но она должна была выдержать все до конца.

Джул расположилась на диване и опустила глаза на сжатый в руках платок. Его свет- лое кружево резко выделялось на черной шерсти траурного платья. Словно маленький штрих надежды в темном полотне ее жизни.

– Учитывая волю покойного, завещание должно быть вскрыто сразу после его похорон, – откашлявшись, произнес стряпчий. – Поскольку миледи здесь, предлагаю начать.

Мистер Бинглоу еще раз кашлянул, взял со стола документ, сломал печать, развернул его и принялся громко читать.

По мере того, как стряпчий, одну за другой, произносил стандартные фразы, Джулия испытывала все большее недоумение. О какой леди Виктории Марии Аделаиде Норрей идет речь? Почему она названа дочерью графа? И почему Уильям завещал ей все свое состояние?

Стряпчий читал, а Джул все сильнее сжимала в руках платок. Похоже, Уильям и после смерти остался верен себе! Граф просто не смог допустить, чтобы она наслаждалась безбедным существованием.

Интересно, он хоть что-нибудь ей завещал? Джул грустно усмехнулась. С Уильяма ста- нется оставить жену в полной нищете.

Мистер Бинглоу перечислял поместья, особняки, фабрики и доходные дома, которые достаются неведомой леди Виктории, и Джулия все сильнее стискивала руки.

Наконец, она услышала собственное имя.

Согласно воле графа, его возлюбленной супруге доставались пятнадцать тысяч фунтов, проценты с которых должны выплачиваться ей в продолжение вдовства, «dum casta», или, как пояснил стряпчий, пока она сохраняет верность покойному супругу. Но все это при условии, что жить она будет в Вуллсхеде, не покидая его больше, чем на неделю в год, по совокупности.

Джулия смотрела на портрет старого графа, висящий на стене кабинета, и ей чудилось, что на губах мужа играет издевательская усмешка.

Что ж, Уильям даже по смерти умудрился испортить Джулии жизнь. Вуллсхед. Мрачный, темный, пугающий. Она думала, что простилась с ним навсегда, но оказалось, что он – един- ственное, что у нее осталось.

Мистер Бинглоу говорил что-то еще, перечислял каких-то неизвестных Джул людей, но она не слушала. В душе у нее поднималось давно сдерживаемое негодование. Пять лет... Пять лет она безропотно сносила все издевательства старого графа и теперь осталась ни с чем. Да, Уильям сумел достать ее и после своей смерти...

Рука Конли, накрывшая ее сжатые ладони, заставила Джулию вскинуть на него глаза.

– Вы знали, – тихо сказала она.

– Джулия...

– Вы знали о завещании заранее, – голос ее окреп. – И вы знали о том, что у графа есть дочь. Кстати, где она? Почему не приехала на похороны отца?

– Джулия, это длинная история.

Кристиан посмотрел на нее с сочувствием, и это вывело Джул из себя. Лицемер! Он смеет делать вид, что переживает за нее!

– Да? А я никуда не тороплюсь, – язвительно отозвалась она. – Мистер Бинглоу, вы закончили?

Джул повернулась к стряпчему.

– Тут еще несколько пунктов относительно церковного поминовения и пожертвований, – мистер Бинглоу смущенно кашлянул и отвел взгляд.

– Полагаю, леди Виктория сама с этим разберется, – твердо сказала Джул. – Кстати, Кристиан, не подскажите, когда она появится?

– Ей уже сообщили, – негромко ответил Конли. – Думаю, через пару недель леди Норрей прибудет в Лондон.

– Мистер Бинглоу, вы не могли бы нас оставить?

Джулия посмотрела на стряпчего.

– Да, миледи. Конечно.

Мистер Бинглоу суетливо сложил бумаги в саквояж, подхватил цилиндр и торопливо засеменил к выходу.

– До свидания, Ваше сиятельство, – пробормотал стряпчий, открывая дверь.

– Всего доброго, мистер Бинглоу, – вежливо попрощалась Джул. – Ну, а теперь, я жду объяснений, – повернулась она к Конли.

– Видите ли, Джулия, – неохотно ответил тот. – Граф не афишировал свой первый брак. Я не знаю о причинах этой скрытности, но дядя никогда и никому не говорил о том, что был женат и о том, что у него есть дочь. Я и сам узнал обо всем совсем недавно.

Кристиан замолчал и задумчиво уставился на портрет лорда Норрея. Тот изображал графа молодым и полным сил мужчиной, с высокомерным взглядом ледяных голубых глаз и ироничной улыбкой, застывшей на тонких губах.

– Совсем недавно, – повторил Конли.

Джул настороженно ждала продолжения.

– Это странная история. Дядя не отличался импульсивными поступками. Он всегда был довольно холодным и рассудительным человеком. Все считали его закоренелым холостяком, да и сам он постоянно уверял, что не намерен жениться. Но однажды, будучи по делам во Франции, лорд Норрей безудержно влюбился. Девушка была из обедневших аристократов.

Конли снова замолчал.

– И что дальше? – поторопила его Джул, лихорадочно раздумывая над услышанным.

Странная история, странный брак. Поспешный и этим поразительно напоминающий ее собственный. И снова у невесты за душой ни пенни... Интересно, чем же бесприданницы так привлекали графа? Почему он женился на той бедной девушке? Любовь? Зная Уильяма, в это трудно было поверить.

– Дядя женился, но брак был заключен тайно. А через год после свадьбы молодая графиня умерла, оставив лорду Норрею новорожденную дочь.

– Печальная история, – задумчиво произнесла Джул и тут же спросила: – Но почему никто не слышал о девочке? О дочери графа?

– Виктория жила и воспитывалась во Франции, – коротко ответил Конли. – Граф не хотел, чтобы о ней знали.

– Странно, – покачала головой Джул.

Она снова посмотрела на портрет покойного мужа.

Уильям никогда и ничего не делал просто так. Интересно, почему он не захотел представить дочь ко двору? И зачем скрыл само ее существование?

То, что рассказал Кристиан... Джул была уверена, что это только часть правды. Понять бы еще, какую роль граф отвел ей? Для чего женился? И зачем оставил в наследство Вуллсхед?

Она устало вздохнула и перевела взгляд на окно. Бесконечно длинный день подходил к концу. Сумерки уже опустились на город, оседая на ветвях деревьев седым туманом. Наверное, к вечеру снова пойдет дождь. Ее настроение, и так не особо радостное, окончательно испортилось. Что-то нечисто со всеми этими браками, завещаниями и условиями...

– Вы знаете, зачем Уильям на мне женился? – спросила она Кристиана.

Тот еле заметно вздрогнул, но тут же постарался скрыть свое замешательство.

– Полагаю, дядя не смог устоять перед вашей красотой, – галантно ответил Конли.

– Да?

Джул скептически усмехнулась. Она поняла, что Кристиан ничего не скажет. Даже если у графа и были какие-то тайны, его племянник их не выдаст.

– Джулия, вы устали, – неожиданно сказал Конли.

Он поднялся и предложил ей руку.

– Позвольте, я провожу вас наверх.

Джул только кивнула в ответ.

Ей было ясно, что Кристиан торопится избавиться от ее общества, и она не стала настаивать на продолжении разговора. Как бы там ни было, ей и самой не терпелось остаться в одиночестве, чтобы все как следует обдумать.

***

Следующие две недели оказались для Джул настоящим испытанием.

Престарелые родственницы Уильяма так и остались в доме, намереваясь дождаться приезда наследницы, и изрядно утомляли Джулию своими разговорами. Родители, появившиеся в особняке на следующий день после похорон, вместо того, чтобы поддержать дочь, ужасно расстроились и принялись изводить Джул бесконечными причитаниями. Вернее, расстроился папенька, который, как выяснилось, снова влез в долги и собирался просить у Джулии денег, а вот причитала и скорбела по уплывшему из-под носа богатству маменька.

– Джули, я не понимаю, чем ты так прогневала мужа? Почему он оставил тебе какие-то крохи? – возмущалась леди Фицуильям. – В конце концов, это низко с его стороны!

– Пятнадцать тысяч – неплохая сумма, – попыталась успокоить ее Джул. Она смотрела на матушку и понимала, что та винит во всем произошедшем только ее. – Мне этого вполне хватит.

– Ах, Джули, ну что ты говоришь?

– А почему нет? К тому же, есть еще и Вуллсхед. И это немало.

– Цветочек, но ведь замок тебе не принадлежит! И проценты ты будешь получать только до тех пор, пока не соберешься снова выйти замуж. Нет, это ужасно несправедливо!

Леди Фицуильям расстроено вздохнула.

– Дорогой, хоть вы скажите! Как лорд Норрей мог оставить нашу дочь без наследства? Это ужасно его характеризует! Я была уверена, что граф – благородный человек, а оказалось...

– Боюсь, что говорить об этом бесполезно, – тихо произнес сэр Джордж. – Все равно ничего нельзя изменить. По крайней мере, Джулии есть на что жить.

– Вы полагаете, этого достаточно? – возмутилась леди Агата. – И вообще, откуда взялась эта никому не известная наследница? Мы даже не знаем, как она выглядит!

Джул промолчала, не желая ввязываться в бесплодные рассуждения, но ответов на вопросы долго ждать не пришлось.

На пятнадцатый день после похорон в двери особняка постучали, и на пороге возникло неземное видение. Прекрасная белокурая девушка в изящном траурном платье и модной маленькой шляпке с вуалеткой грациозно впорхнула в дом и, не обращая внимания на дворецкого, мило улыбнулась выглянувшей из гостиной Джул.

– Полагаю, вы – леди Норрей? – спросила гостя.

За ее спиной маячили дородная дама и щупленькая девушка, в которых Джулия без труда признала компаньонку и горничную.

– Да, это я, – спокойно ответила Джул. – А вы?..

Она уже догадалась, кто эта элегантная леди. В лице девушки отчетливо улавливались фамильные черты Норреев. Только если у графа и взгляд голубых глаз, и выражение чуть удлиненного лица были презрительно-высокомерными, то у его дочери все это сглаживалось французским шармом и искрящейся молодостью.

– Леди Виктория Норрей, – мило улыбнулась леди, и на щеках ее заиграли ямочки. – Мы заочно знакомы. Лорд Конли рассказывал мне о вас.

– Надеюсь, он был ко мне добр?

На самом деле, Джулию несколько не интересовало, что говорил о ней Кристиан. Какая разница? Ее беспокоило другое. Раз приехала наследница, значит, время вышло. Придется снова возвращаться в ненавистный Вуллсхед.

– О, разумеется, леди Норрей, – щебетала гостя. – По рассказам лорда Конли, вы – настоящий ангел. И мне не терпится познакомиться с вами поближе.

– Что ж, я рада вашему приезду и надеюсь, у нас еще будет время узнать друг друга получше, – вежливо ответила Джул и добавила: – Генри, проводи леди Викторию в гостевые покои и проследи, чтобы там растопили камин.

– Слушаюсь, миледи, – почтительно отозвался слуга.

Правда, за этой почтительностью Джул без труда разглядела жгучее любопытство. Еще бы! Прибытие новой хозяйки, при наличии старой, кого угодно лишило бы привычной невозмутимости!

– Мадлен, возьми мои вещи, – распорядилась юная леди, а потом повернулась к компаньонке и добавила: – *Madame Boucher, suivez-moi.*

Когда прибывшие дамы отправились наверх, в гостевые покои, Джулия задумчиво посмотрела им вслед и призналась самой себе, что дочь Уильяма – довольно приятная молодая леди и вполне достойна занять подобающее место в обществе. Граф не ошибся в своем выборе. Имя графини Уэнсфилд Виктории прекрасно подходит.

Она старалась не думать о том, что девушка займет ее место, получит огромное состояние и все привилегии своего положения, а она, Джул, останется просто бедной вдовой, запертой в унылом старом замке.

Впрочем, в глубине души Джулия надеялась, что сумеет все изменить. Подумаешь, Вуллсхед! Как бы ни старался Уильям, он не способен вернуться с того света. А без него старый замок может оказаться не таким уж и мрачным, Джул была в этом уверена.

Повеселев, она отправилась на кухню, распорядиться об обеде.

Весь оставшийся день Джулия провела в обществе леди Виктории и ее компаньонки. Ну и матушки, разумеется. Леди Агата не могла остаться в стороне и подвергла юную леди Норрей настоящему допросу. Маменьке было интересно все – и где жила наследница графа, и как прошло ее детство, и остались ли у нее еще какие-либо родственники. Нет, Джулии это тоже было очень интересно, но она считала, что некрасиво вот так в лоб задавать очень личные вопросы.

– Вы часто виделись со своим отцом, леди Виктория?

Леди Фицуильям подняла голову от пялец и пристально посмотрела на юную леди. В глазах маменьки Джул разглядела недоумение и обиду. Нет, леди Агата не смирилась с произошедшей несправедливостью и всячески это демонстрировала. Глупо, конечно. И по-ребячески. Джул всегда огорчало это неумение матушки с достоинством принимать удары судьбы.

– К сожалению, папенька не мог часто бывать во Франции, – ответила Виктория. – Но два раза в год он обязательно приезжал в Лион – перед Рождеством и в день моих именин.

Девушка нервно сжала руки. На глазах ее показались слезы.

Джул видела, что госте тяжело даются расспросы о покойном отце и поспешила перевести разговор на погоду. Как ни странно, несмотря на то, что дочь Уильяма лишила ее наследства, Джулия не испытывала к ней неприязни. Что делать? Виктория не была виновата в причудах графа. К тому же, девушка показалась ей милой и достаточно образованной. Она с легкостью говорила на нескольких языках, интересно рассуждала о современной литературе и прекрасно рисовала. Джул успела оценить наброски, которые Виктория сделала во время своего путешествия в Лондон, и осталась под большим впечатлением.

Нет, ей не за что было ненавидеть новоявленную наследницу и перекладывать на нее вину за произошедшее. Если кто и виноват, так это сам Уильям. Это он ввел всех в заблуждение.

– Леди Норрей, а вам обязательно уезжать? – неожиданно поинтересовалась у нее Виктория. – Этот дом слишком велик для меня одной, к тому же, я совсем не знаю Лондон. Быть может, вы могли бы остаться? Хотя бы на какое-то время.

Ответить Джул не успела.

– Леди Джулии давно уже пора быть в Вуллсхеде, Вики, – раздался от двери голос Конли. – А вам нужно научиться справляться с новыми обязанностями вашего положения самостоятельно.

Кристиан прошел в гостиную и поприветствовал находящихся в ней дам.

Джулия посмотрела на Конли, перевела взгляд на зардевшуюся Викторию и усмехнулась. Вики... Что ж, теперь понятно, почему Кристиан выглядел таким довольным.

– Лорд Конли прав, леди Виктория, – сдержанно улыбнулась она. – Мне и правда пора возвращаться домой.

– Но мы только познакомились! – воскликнула девушка. – Я так надеялась, что вы будете рядом! И мы сможем подружиться!

Джулия грустно вздохнула. Она смотрела на Викторию, и ей казалось, что между ними не шесть лет разницы, а все двадцать.

– Мы обязательно подружимся, дорогая, – ответила она. – Я всегда буду рада видеть вас в Вуллсхеде. Ваш отец обожал старый замок, думаю, вам он тоже покажется интересным. Все-таки это родовое гнездо Норреев.

– Наверное, топ реге очень вас любил, – порывисто ответила Виктория и тут же смущенно потупилась.

– Почему вы так думаете? – заинтересованно посмотрел на нее Конли.

– Но он же оставил леди Джулии дом, который так ценил, – простодушно ответила девушка.

Джул сдержала язвительную усмешку. Она взглянула на Кристиана и успела заметить, как по его лицу скользнула легкая тень.

– Да, так и было, – серьезно ответил Конли, и никто, кроме Джулии, не расслышал в его голосе фальши.

– Вы останетесь на ужин, Кристиан?

Джул вопросительно посмотрела на родственника.

– Нет, у меня мало времени, – ответил тот. – Я пришел только затем, чтобы поговорить с вами, Джулия.

– Что ж, пройдемте в кабинет, думаю, там будет удобнее всего, – спокойно кивнула Джул.

Она ждала этого разговора. Вот с самого приезда Виктории и ждала. Знала, что время вышло, и все равно продолжала на что-то надеяться. Глупо...

Идя впереди Конли, она подумала, что привычно чувствует себя хозяйкой особняка, хотя, все изменилось, и у нее больше нет права распоряжаться в этом доме.

– Джулия, когда вы собираетесь уезжать?

Не успели они оказаться в кабинете, как Кристиан тут же приступил к допросу. Джул не могла назвать это по-другому. Конли занял место за письменным столом графа, по-хозяйски положил руки на стол и уставился на нее с каким-то непонятным выражением. Этот взгляд очень напомнил ей старого графа и совершенно не понравился. С какой стати Конли так на нее смотрит? По-хозяйски, как на принадлежащую ему вещь.

– Джулия, вы меня слышите?

– Слышу, Кристиан, – спокойно ответила Джул. Она прошла к дивану, села и твердо посмотрела на племянника графа. – Но при этом не понимаю, почему должна перед вами отчитываться.

Она не удержалась от ироничной усмешки. Изменившийся после похорон Конли вызывал у Джул стойкую неприязнь.

– Быть может, потому, что дядя оставил меня душеприказчиком и уполномочил следить за соблюдением условий завещания? – холодно улыбнулся Кристиан.

Он передвинул пресс-папье и взял со стола перочинный нож.

– Это было устное распоряжение?

– Не только. В заключительных строках завещания был пункт, услышать который вы не сочли нужным. – Конли понизил голос и добавил: – Джули, я настоятельно советую вам не противиться и принять все условия графа.

– Кристиан, вы мне угрожаете?

Джул почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Просто предупреждаю.

Конли откинулся на спинку кресла, не переставая поигрывать ножом. Тусклое лезвие холодно блестело в его руках, источало незримую опасность, предупреждало: "согласись, не упорствуй".

– А если я откажусь от наследства?

Джулия глядела на Кристиана, поражаясь произошедшим с ним метаморфозам. Как она раньше не замечала, какие холодные у него глаза? И как некрасиво кривятся тонкие губы? А эта неприятная презрительная складка в углу рта? Почему она не обращала внимания на все эти мелочи? Или Конли их не демонстрировал?

– Джул, прекратите, – неприятно ухмыльнулся Кристиан. – Не разочаровывайте меня! Вы ведь никогда не были безмозглой гусыней!

Он отложил нож и вытащил из ящика стола какой-то документ.

– Взгляните сюда.

– И что это? Завещание? А разве оно не должно храниться у стряпчего?

– Я убедил мистера Бинглоу оставить его ненадолго, – усмехнулся Кристиан. – Как чувствовал, что вы способны решиться на глупость. Читайте, – он развернул бумагу и указал в самый конец текста.

«По достижении трех лет со дня моей смерти, имение Вуллсхед, со всем движимым и недвижимым имуществом, переходит в полную собственность моей супруги, Джулии Оливии Норрей, графини Уэнсфилд, при условии, что до этого времени она сохранит мне верность, – прочитала Джул. – В случае отказа от наследства или смерти означенной Джулии Оливии Норрей до истечения установленного трехлетнего срока, имение Вуллсхед, со всем движимым и недвижимым имуществом, переходит в полную собственность моей дочери, Виктории Марии Аделаиды Норрей».

Бумага дрогнула в ее руках. Да, Уильям решил подсластить пилюлю. «Сохранит верность»... Какая издевка!

– Видите? – довольно произнес Конли. – Дядя предусмотрел все. Даже то, что вы захотите отказаться от наследства. Думаю, это дополнение заставит вас быть благодарной.

– А в чем ваша выгода, Кристиан?

Она внимательно смотрела на сидящего напротив мужчину, а ум работал, просчитывая варианты. Снова зависеть от чужой воли, не принадлежать себе, не сметь распорядиться своей свободой...

– Выгода? А с чего вы решили, что она есть?

– Хотите сказать, я ошибаюсь? – усмехнулась Джул. – Не нужно, Кристиан. Как вы сами сказали, я не глупа. Вы так стараетесь убедить меня в том, чтобы я исполнила все предписания Уильяма, что трудно не заподозрить в вас личного интереса.

– Я дал слово, Джулия, – резко ответил Конли. – И я его сдержу. Вы поедете в Вуллсхед и не высунете оттуда нос, пока не пройдет три года, указанных в завещании!

Он сурово посмотрел на Джул, и она почувствовала, как по спине снова пробежал холодок. Да что там холодок, самый настоящий кусачий мороз!

– И как часто вы намерены приезжать? – язвительно уточнила она.

– Раз в месяц, – серьезно ответил Кристиан.

– Что вы собираетесь проверять?

Джулия напряженно наблюдала за Конли. Если тот скажет, что будет продолжать проверки... Нет, лучше она останется нищей и бездомной, чем позволит какому-то постороннему мужчине делать то, что и от мужа-то с трудом терпела.

– Всего лишь соблюдение условий завещания, ничего более, – спокойно сказал Кристиан.

Сейчас он снова был похож на того Конли, которого она знала раньше – невозмутимого, уверенного в себе и в том, что он все делает правильно.

Джул глядела на него, пытаясь понять, что подразумевают его слова. Условия завещания... А ведь одним из пунктов значится хранение верности покойному супругу. И как Кристиан собирается следить за его соблюдением? Неужели с помощью Джонаса? Она брезгливо передернула плечами. Та же тюрьма, те же условия, только тюремщик другой. Зачем терпеть? Ради чего? Если раньше на кону стоял Лонгберри и жизнь семьи, то сейчас ее ничто не держит. Кредит погашен, кое-какие накопления у нее есть, а с остальным пусть отец сам разбирается, она свой долг выполнила. Нет, нужно бежать, нельзя допустить повторения того, что было.

– И я очень надеюсь, Джулия, что между нами по-прежнему будет царить добрая дружба, – со значением сказал Конли, и его требовательный взгляд вынудил Джул кивнуть.

Она понимала, что сейчас с Кристианом лучше не ссориться. Пусть думает, что Джул смирилась.

– Я могу просмотреть завещание полностью?

Джулия заставила себя говорить непринужденно. Ей ведь не привыкать скрывать свои эмоции!

– Если вы так хотите, – пошел на уступки довольный ее покорностью Кристиан.

Он протянул документ, и Джул внимательно пробежала глазами все пункты. Что ж, никаких других упоминаний о ней, кроме уже озвученных, в завещании не было. Как и сказал стряпчий, все имущество отходило леди Виктории Норрей.

– Джулия, завтра вам нужно уехать.

Конли посмотрел на нее с нажимом.

– Хорошо. Я велю Кларе собрать вещи.

Джул взглянула на племянника графа и поднялась с дивана.

– И помните, Джули, – не вставая из-за стола, сказал Конли. – Я буду приезжать каждое первое воскресенье месяца.

Джул молча кивнула. Что ж, она лишний раз убедилась в том, что спокойной жизни в Вуллсхеде не будет. Теперь ей стало окончательно ясно, что завещание – ловушка, из которой нужно выбираться как можно скорее.

– Кристиан, вы ответите на мой вопрос? – уже на выходе, придержав рукой высокую створку, спросила Джул.

– Что вы хотите узнать?

В голосе Конли послышалось напряжение.

– Почему графа похоронили в Лондоне, а не в фамильном склепе в Вуллсхеде? Нет, я знаю, что Уильям так хотел, но не понимаю, почему?

– Вас действительно это волнует?

– Мне просто интересно.

– Дядя считал, что история рода Норреев начинает свой очередной виток, и решил положить начало новым традициям. Тем более что Вуллсхед достанется вам и уйдет из семейного наследия.

– Вот это-то и странно, – задумчиво пробормотала Джул.

– Что именно?

– То, что граф оставил Вуллсхед именно мне.

– Джули, не забивайте голову ненужными вопросами. Вы должны радоваться, что дядя принял такое решение. Вуллсхед – прекрасное имение, с хорошим доходом. В будущем вы станете богатой женщиной, Джул.

Джулия внимательно посмотрела на родственника. Конли выглядел спокойным, даже умиротворенным. Видимо, радовался тому, что выполнил поручение дяди. Ну-ну. Пусть порадуется.

– Прощайте, Кристиан, – холодно сказала она.

– До свидания, Джул, – с намеком ответил Конли. Он снова взял перочинный нож и покрутил его в руках. – Я буду с нетерпением ждать нашей встречи.

Джулия ничего не сказала. Она опустила голову, чтобы скрыть свои крамольные мысли, и вышла за дверь.

***

Следующим утром Джул с Кларой выехали из Лондона, и к ночи они прибыли в Вуллсхед.

Старый замок встретил Джулию настороженной тишиной. Двор был пуст, серые башни угрюмо нависали над остановившейся каретой, внутри, в холле, отчетливее, чем раньше, пахло плесенью. Или это она успела отвыкнуть от «ароматов старины»?

– А куда все подевались, миледи? – спросила Клара, недоуменно оглядываясь по сторонам.

Голос служанки разнесся по первому этажу гулким эхом, и Джул невольно поежилась. Ей показалось, что дом умер вместе со своим хозяином. Она и раньше чувствовала, что Вуллсхед связан с Норреями едва ли не кровными узами, а сейчас это ощущение только усилилось.

– Боссом! – громко позвала она, торопясь скинуть непонятное наваждение.

Ответом ей стала тишина.

– Совсем распустились без хозяина, – тихо проворчала Клара.

– Есть кто живой? – уже громче позвала Джул, не желая признаваться себе, что волнуется.

Спустя несколько минут послышались шаркающие шаги, и в дверном проеме возникла худая фигура дворецкого.

– Миледи? – в интонациях слуги послышалось удивление. – Вы вернулись?

– Да, вернулась, – ответила Джул. – А почему здесь так темно и тихо?

– Так траур же, Ваше сиятельство.

Боссом склонил голову и незаметно вытер слезящиеся глаза.

– Зажгите свечи, – отрывисто приказала Джул. – И растопите в моих покоях камин.

Она стянула перчатки, решительно вздернула подбородок и направилась к лестнице. Ничего, она здесь ненадолго. Переночует, а утром соберет вещи, достанет из тайника деньги и подаренные Уильямом драгоценности и уедет в одно из шумных западных графств.

«Здравствуйте, сиятельные леди и лорды, – беззвучно произнесла она, проходя мимо портретов графских предков. – Вот я и вернулась. Скучали по мне? Или надеялись, что мы больше никогда не увидимся? Не волнуйтесь, скоро вы окончательно от меня избавитесь!».

Разумеется, Джул не ждала никакого ответа. Мазнув взглядом по высокомерным лицам, она усмехнулась и ускорила шаг.

– Ох, миледи, сырость-то какая! – воскликнула Клара, входя вслед за Джулией в спальню. – Видать, как вы уехали, так тут никто и не топил!

Горничная принялась разбирать вещи, а Джулия остановилась посреди комнаты и внимательно огляделась вокруг. Темные стены, огромная кровать под расшитым балдахинном, пустой камин, мрачно поблескивающее золотыми инкрустациями трюмо – все осталось прежним, но Джул ощутила какие-то неуловимые перемены. Словно бы вещи настороженно приглядывались к ней, не признавая за хозяйку. На миг ей даже показалось, что зеркало хищно полыхнуло алым, а старый трехстворчатый шкаф угрожающе накренился.

– Миледи, вы ужинать будете?

Бодрый голос Клары развеял непонятное наваждение. Привидится же такое!

– Нет, не хочу, – отказалась Джулия.

Она устало потерла глаза и вздрогнула, услышав тихий стук.

– Это, наверное, Молли пришла камин разжечь, – деловито заметила горничная.

Так и вышло. Дверь открылась, пропуская в комнату невзрачную, остроносую женщину.

– Здравствуйте, Ваше сиятельство, – смущенно пробормотала младшая служанка. – Я вот... Тут... Камин растопить, – невнятно сказала она, указывая на корзину с ветошью.

Джул молча кивнула. Разговаривать ни с кем не хотелось. Уже завтра ее тут не будет, и слуги мужа, которые несколько лет докладывали графу о каждом ее шаге, останутся в старой жизни, а она, Джул, начнет новую, счастливую. Без темных теней прошлого.

Молли споро разожгла огонь, и дрова в камине занялись ровным пламенем, разгоняя по углам затаившиеся тени. Если бы это тепло могло согреть и ее душу! И прогнать тревоги и страхи...

Джулия сняла траурное платье, облачилась в белоснежную рубашку и чепец и нырнула в холодную постель.

– Доброй ночи, Ваше сиятельство, – пожелала Клара, дождавшись, пока уйдет Молли. – Я вам больше не нужна?

– Нет, Клара, можешь идти.

Джул подтянула одеяло и прикрыла глаза. Усталость после долгого пути давала себя знать.

Горничная тихо выскользнула из комнаты, а Джулия устроилась поудобнее и вскоре уснула.

Глава 5

Утро ворвалось в комнату ярким солнечным светом и гомоном птиц, и Джул, почувствовав прикосновение теплых лучей к своему лицу, открыла глаза. День, который должен был стать днем ее освобождения, наконец настал. Нужно было торопиться.

Она потянулась, обвела взглядом залитую светом комнату, нетерпеливо спустила ноги с постели и... растерянно замерла.

Только сейчас она поняла, что это не ее спальня. Нет больше унылого и мрачного балдахина над головой, и темные шторы не закрывают окна, позволяя ярким лучам легко скользить по натертому до блеска полу. И старое трюмо куда-то исчезло.

Джулия ущипнула себя за руку, но обстановка вокруг не изменилась. Роскошные шелковые обои все так же переливались нежными перламутровыми бликами, огромная кровать ничем не напоминала ту, на которой она засыпала, изящная белоснежная мебель смотрелась легкой и воздушной, а наборный паркет украшали дорогие ковры и красивые напольные вазы с незнакомыми цветами.

Вот это пробуждение! Может, она еще спит? А иначе чем объяснить происходящее?

Джул соскочила с постели, подбежала к огромному окну и выглянула наружу. Сердце испуганно дернулось.

Внизу простирался лес. Настоящий лес! На многие мили вокруг тянулось зеленое колышущееся море – по-весеннему яркое и сочное. Ни жилья, ни каких-либо других построек, ни людей. И только вдали виднелись смутно различимые башни крепостной стены и изящные очертания какого-то замка.

Она зажмурилась, потом снова открыла глаза, обвела комнату взглядом, но ничего не изменилось. Новая реальность настороженно смотрела на нее из позолоченного зеркала, удивительно похожего на то, что осталось в ее прежней спальне. Затылка словно ледяная рука коснулась. А от нее холод спустился на спину, прошелся под сорочкой обжигашей волной и застрял где-то в районе груди острой, мешающей дышать льдинкой.

Джул подошла ближе и провела по стеклу рукой. Удивительное сходство... Незатейливая инкрустация, тусклое полотно, небольшие трещинки по краям. Настоящий вулсхедский близнец. А в зеркальных недрах видится встревоженное лицо, белоснежная ночная рубашка, спадающие на плечи рыжие кудри. Как ни странно, в ее внешности со вчерашнего вечера ничего не изменилось. Если бы то же самое можно было сказать и об окружающей ее действительности! Все иное.

Джул попыталась успокоиться и подумать. Как она оказалась в этой изысканной спальне? Или это просто сон? Да нет, какой уж тут сон, когда все такое реальное!

Она еще раз огляделась. Комната по-прежнему отличалась от вулсхедской, как день и ночь. Только халат, который Клара обычно оставляла рядом с кроватью, оказался в ней вместе с Джул. Он небрежно лежал на кресле, и вид светло-голубого атласа неожиданно заставил Джул очнуться. Чудес не бывает. Всему в жизни есть разумное объяснение, это она усвоила еще в детстве.

Джулия накинула халат, крепко завязала пояс и, распахнув дверь, осторожно выглянула из комнаты.

В просторном светлом холле стояла зловещая тишина. Не слышалось ни голосов прислуги, ни звуков шагов, ни обычной суеты большого дома. Кругом царило подавляющее безмолвие. Лишь многочисленные портреты, так похожие на Вулсхедские, надменно взирали на нее с обитых серебристым шелком стен.

– Надо же! Вы везде умудряетесь выглядеть недовольными, – пробормотала Джул и не узнала собственный голос. Он казался слишком тихим и напуганным. Нет, так не пойдет. Она, Джулия Норрей, пять лет прожила с Уильямом, ей ли бояться каких-то бездушных портретов?

Она упрямо вскинула подбородок и направилась к обнаруженной неподалеку лестнице.

Когда Джул спустилась вниз, там тоже никого не было. Она внимательно обвела глазами пространство холла, разглядывая огромные хрустальные люстры, высокие стрельчатые окна, натертые до блеска полы, изящную лепнину на потолке. Окружающая красота казалась какой-то нереальной, несуществующей, сказочной.

– Есть тут кто-нибудь? – громко спросила Джулия и невольно поежилась, услышав прокатившееся по дому гулкое эхо.

Ответом ей была тишина. Похоже, в замке ни души. Ну, не считая портретов.

Джул подошла к одному из них и задумчиво прикусила губу. Белокурые волосы, темно-синий камзол, пышное жабо, пенящиеся кружева манжет – изображенный на портрете молодой мужчина пристально смотрел на нее льдисто-голубыми глазами, и Джул готова была поклясться, что видела его раньше. В Вуллсхеде. Среди изображений предков Уильяма.

Она подняла руку и коснулась картины. Если бы ее спросили, зачем, она и сама бы не ответила. Ощутила прохладу холста, почувствовала под пальцами тонкую сеточку кракелюров, провела по богатой резьбе багета.

Джулия не знала, на что надеется. Просто, знакомый портрет пробуждал хотя бы небольшую надежду, что она сможет разобраться с происходящим. Но мужчина, изображенный на нем, лишь холодно смотрел на нее, и на губах его кривилась презрительная усмешка. Нет, этот неизвестный аристократ ей не поможет...

Оторвавшись от картины, Джул медленно двинулась вдоль длинного ряда нарисованных лиц. Некоторые казались ей знакомыми, другие – нет.

– Ага, – задумчиво хмыкнула она. – Очень интересно!

Яркие синие глаза, светлые волосы, твердо сжатые губы. В душе шевельнулось какое-то непонятное чувство. Радость? Надежда? Опасение?

– Эдриан Клиффорд Норрей, – прогоняя его, язвительно усмехнулась Джул. – Конечно, как же без вас, милорд?

Она смотрела на прапрадеда Уильяма и сама не понимала, чего ждет – то ли ответа, то ли движения четко очерченных губ. Наверное, сейчас она даже обрадовалась бы чему-то подобному, но мужчина на портрете безмолвствовал.

– Кто бы сомневался! – горько прошептала Джул.

На душе стало пусто.

Она стерла с глаз набежавшие слезы, еще раз с надеждой посмотрела на неизвестного, и ей неожиданно показалось, что твердо сомкнутые уста дрогнули. Правда, уже спустя секунду все снова стало как прежде.

– Похоже, я сошла с ума.

Джулия расстроено вздохнула.

– И ведь всегда считала себя здравомыслящей особой!

Она говорила вслух, чтобы не слышать звенящей тишины замка. Так было легче бороться с подступающим страхом.

– И все же, кто-то же меня сюда перенес? Эй, есть тут кто? Отзовитесь!

Спустя полчаса, обойдя весь дом, она снова вернулась в холл первого этажа, к портрету Эдриана Норрея. Единственному, кого она однажды видела воочию. Единственному, кто связывал ее с прошлым.

– Здесь никого нет, – пожаловалась она ему. – Совсем никого!

Лицо мужчины оставалось неподвижным. А ведь Джул надеялась. Ей казалось, что если бы сейчас этот красивый лорд вышел из рамы и подошел к ней, она бы не испугалась. Скорее,

наоборот, обрадовалась. Но Эдриан Клиффорд Норрей молчал, и она, глядя в холодную глубину его глаз, всерьез задумалась о том, что делать дальше.

Если замок необитаем, можно попробовать добраться до тех башен, что виднелись вдали. Правда, для этого понадобится пройти через лес, про который ей ничего не известно, но другого выхода нет. Не сидеть же в этом безлюдном доме?

Джулия старалась не думать о том, насколько безумно то, что происходит.

– Так, ладно, – сосредоточенно произнесла она. – Как бы там ни было, нужно отсюда выбираться.

***

В лесу становилось все темнее. Дорога, по которой шла Джул, выглядела заброшенной. Глубокие колеи густо поросли травой, колючие кусты широко раскинули свои колючие щупальцы и полностью завладели обочинами, а ветви деревьев над головой сплетались в подобие диковинного туннеля и закрывали солнечный свет.

Джулия шла уже несколько часов. Поначалу она еще надеялась, что все это не взаправду, что вот сейчас она очнется, и окажется, что и замок, и лес, и прохладный, пахнувший влажной землей воздух ей просто привиделись, как привиделся когда-то оживший портрет. Но время шло, дорога все так же змеилась узкой лентой, а ничего не менялось. Только страх становился все сильнее. Он крался за ней от самого замка. Увязался в попутчики и теперь то и дело заигрывал с ней, то обнимая за плечи, то невесомо скользя по волосам, то касаясь щеки ледяным поцелуем.

А в лесу кипела жизнь. Мирно пели птицы, где-то высоко в ветвях суетились шустренькие белки. Пару раз Джулии довелось заметить рыжую лисицу, мелькнувшую среди елок, а ближе к вечеру тропу пересек заяц, и это наводило на мысль о том, что где-то в чаще должны быть и более хищные звери, но Джул старалась об этом не думать. Она все чаще настороженно посматривала на густые кроны, и сердце ее билось все тревожнее. Ночь стремительно приближалась, а лес не заканчивался.

Джулия поправила на спине котомку, в которой были хлеб и вода, захваченные с замковой кухни, и попыталась взять себя в руки. Выход есть всегда. Должен быть. Если понадобится, она пройдет этот лес от начала до конца, но обязательно выберется к людям.

А лес менялся. На смену строгим дубам и тонким осинам пришли мрачные разлапистые ели. Как-то неожиданно быстро стало почти совсем темно, от земли потянуло сыростью, птицы смолкли, и в окружающей тишине появились сотни непонятных шорохов и звуков.

Джулия остановилась.

Идти дальше не было смысла. Нужно было устраиваться на ночлег. И ничего, что страшно, она уже почти сроднилась с этим страхом. А холод... Холод тоже можно пережить, ей не впервой. В Вуллсхеде никогда не было достаточно тепло, старый замок даже в самую жаркую погоду казался похожим на склеп, и она постепенно привыкла к этой выстуживающей душу и тело сырости.

При воспоминании о ненавистной тюрьме Джул плотнее запахнула халат. Надо же... Мечтала сбежать из темницы, и ее желание исполнилось. Только вот совсем не так, как она рассчитывала.

Громкий треск, раздавшийся откуда-то справа, заставил ее испуганно вздрогнуть. Кто это? Волки? Или та самая лисица, что провожала ее от самого замка?

Она огляделась вокруг и заприметила высокую ель, растущую почти рядом с дорогой.

Джул старалась не думать о том, какие опасности могут таиться в глухой чаще. Укрывшись под разлапистыми ветвями, она прислонилась к шершавому стволу и уставилась в темноту. Сейчас, когда будущее было зыбким и неясным, а настоящее – непонятным и пугающим,

она потянулась к прошлому. К тому прошлому, где был теплый и уютный дом, любовь родных и милые посиделки с соседями. К тому прошлому, в котором она была счастлива.

***

Открыв глаза, Джулия обреченно застонала. Все та же спальня! Ни леса, ни пушистой ели, под которой она спала, ни мягкой, слежавшейся хвои...

– Это уже не смешно! – пробормотала Джул.

В душе поднималась злость. Что ж за шутки-то такие? Кто играет с ней в прятки? Ух, если она найдет этого злоумышленника, мало ему не покажется! Уж она все ему выскажет!

Джул не помнила, как вскочила с постели, как накинула халат, как выбежала из комнаты...

Очнулась она уже на первом этаже, перед длинным рядом знакомых портретов.

– Эй! Есть тут кто-нибудь? – отвернувшись от высокомерных лиц, крикнула она в пустоту коридора.

В замке царила тишина.

– Хватит прятаться! Это глупо!

Джулия прислушалась. Нет, неизвестный шутник не желал показываться ей на глаза. Что ж, ладно. Она не кисейная барышня, ее таким не проймешь.

Она снова обошла весь замок, а под конец заглянула на кухню.

В просторном помещении тоже никого не было. Правда, на разделочном столе стояли корзины с овощами и зеленью, рядом, на доске, лежал кусок говяжьей вырезки, а в большом чане подходило пышное тесто.

Джулия недоверчиво прищурилась. Вчера, когда она пыталась найти хоть что-нибудь съестное, здесь были только черствый хлеб и вода. А сегодня неведомый хозяин расщедрился и предложил ей самой приготовить обед. Уж больно очевидным выглядел набор продуктов.

– Так, да? – разозлилась Джул. – Ладно.

Она подошла к столу и внимательно оглядела все, что на нем лежало.

– И на сколько человек готовить? – поинтересовалась вслух. – Для меня одной этого как-то многовато!

Джулия злилась и ничего не могла с собой поделать.

Почему она снова оказалась в замке? Кто перенес ее из лесной чащи в ту же самую спальню? И что это за дворец такой, заколдованный?! И где его хозяин? Отчего не показывается ей на глаза?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.